

ЕЛЕНА БУЛУЧЕВСКАЯ

Мир меняющие

КНИГА 1. ТОМ 2

Елена Булучевская

Мир меняющие. Книга 1. Том 2

«Издательские решения»

Булучевская Е.

Мир меняющие. Книга 1. Том 2 / Е. Булучевская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742007-9

Как вы поступите, если будете знать, что случится завтра? А если узнаете свое будущее на месяц? Или на год? Если предначертано нечто пугающее и ужасное... Только точной даты нет... А каково это — знать, что всем вашим близким грозит неминуемая гибель? Может, они и выживут, но их существование станет таким тяжким, что они будут искренне завидовать мертвым... Кто сможет спасти вас от судьбы более горькой и мучительной, чем смерть? Кто сможет изменить себя так, что изменит целый Мир?

ISBN 978-5-44-742007-9

© Булучевская Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Ключи	6
Глава 2. Нежданные встречи	15
Глава 3. В Блангорре	29
Глава 4. Церемония	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мир меняющие
Книга 1. Том 2
Елена Булучевская

© Елена Булучевская, 2017

ISBN 978-5-4474-2007-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Ключи

В тот момент, когда Лентина пряталась в кустах, знакомясь с кровницей, в бывшем родовом замке Мааров случилось следующее. Детей с печатями крови вывели – какое жалкое зрелище они представляли: отошавшие, завшивевшие, давно уже не мывшиеся, многие кашляли, удивительно еще, что не случилось ни мора, ни эпидемии какой, которые могли быть милосердными к этим маленьким человечкам и избавить их от страданий. Дети, отупевшие от постоянного ужаса, не обращали внимания на своих тюремщиков: ну драконы, ну страшно, ну и что. Равнодушие ко всему поселилось в их маленьких головках и прочно заняло там позиции. Лица были поразительно похожи, чумазы мордашки маленьких старичков, которые видели слишком многое и теперь балансируют на грани безумия. Глаза казались прорезями в бугристой грязной коже, губы потрескались и побелели, все лица усеивали прыщи и струпы, от постоянного недоедания худенькие ручки и ножки висели, как плети. Маленькие пленники стояли рыхлой кучкой, не двигаясь. Рыканием и шипением драконы разогнали детей, поделив их, рассадили на спины, между крыльев, покинули загаженный и оскверненный замок. Посреди полета толстый Вальтер вспомнил о припрятанной коровке, которая хоть и уже начала попахивать, но все еще была довольно аппетитной, загрустил, заскучал, едва не сбросив со своей спины маленьких пассажиров и не повернув обратно к замку. Тайамант грозным рыком быстро вернула зарвавшегося собрата к действительности, после чего полет продолжился без происшествий. Дети, сидевшие на спинах драконов, между крыльями, судорожно вцепившись, держались, кто за что мог. Им не было страшно, им не было весело – им было все равно.

Воздушное путешествие длилось недолго. Их новая тюрьма была ничем не лучше их предыдущего обиталища. Пещера Ветров встретила своих новых обитателей тишиной. Ящеры гнали пленников вниз, не останавливаясь, пока не достигли подпочвенного озера. Дети, полумертвые от усталости, постоянного недоедания, повалились друг на друга на берегу озера. Тяжело переводили дыхание, опасаясь поднимать глаза на своих мучителей. Отдышавшись, начали все-таки оглядываться по сторонам – детское любопытство не убить драконам, смертям и страхам. Увидев воду, которая пусть и была неприятного темного цвета, и казалась какой-то неживой, обрадовались. Ящеры не обращали на своих пленников никакого внимания, справедливо посчитав, что отсюда они никуда не денутся. Дети, усевшись кружком, начали потихоньку перешептываться – вода манила. Даже те из них, кто раньше ни в какую не хотел купаться – когда были мамки-папки, которые кормили, одевали и заботились – эти дети тоже все бы отдали, что у них еще осталось, чтобы ощутить прохладу и свежесть, которые приходят после купания. Самая маленькая девчушка, из клана каменщиков, стоявшая ближе всех к Тайамант, со всей непосредственностью детства, бочком подошла к драконам и, робко подняв глазенки, спросила, могут ли они искупаться. Дракониха вздрогнула, услышав вопрос от этого червяка человеческого, она готова была больше к тому, что могут заговорить окружающие камни. И от неожиданности, наверное, надменно кивнула рогатой головой в знак согласия. Дети недружной стайкой пошли к воде. Мальчики остались тут же, а девочки отошли немного подальше. Разделись, аккуратно сложив свои обноски на берегу, и, потихоньку, без обычных в таких случаях брызг, плесканий и криков, зашли в воду. Плавали долго, отмываясь, наслаждаясь неожиданно теплой и чистой водой. Не нужно было окриков и уговоров, чтобы заставлять мыться тщательнее или разнимать задир и драчунов – все были равны, все были тихи и спокойны. Накупавшись вдоволь, почти одновременно начали полоскать свою одежду, аккуратно, стараясь не порвать ветхую ткань. Потом натянули еще влажные лохмотья, собрались снова в кучку и присели неподалеку от ящеров, которые держали совет, переговариваясь гортанными голосами на своем драконьем языке. Немного прибодрившись и обсушившись, дети решились подойти снова к своим мучителям, спросить разрешения на рыбную ловлю. Ящеры

на сей раз нетерпеливо отмахнулись, мол, делайте что хотите. Все равно не сбежать, если и выберутся, то себя не узнают, а многие могут и вовсе истлеть в пути – время в пещере принадлежит Хрону и не щадит людей, которые пытаются ее покинуть. Лишь дети темнобородого и владельцы ключей могли безбоязненно навещать обиталище ветров.

Ободренные таким невниманием дети поделились на группки, часть из них соорудила удочки из того, что попало под руки, остальные занялись костром. Дела продвигались лучше у рыболовов, костер же никак не хотел разгораться – от двух сырых палочек, которые неумело терли одна о другую, толку было чуть, лишь иногда появлялась струйка дыма, которая быстро пропадала. Костровые уже все перепробовали. Мальчик, ростом чуть повыше других, с глазами, которые выдавали в нем астронома, мальчик, чью кожу навеки вызолотили дневные светила дальних странствий, мальчик, которого звали Вальд, пошел к драконам. Подойдя к ящерам, он звонким, чуть дрожащим голосом вежливо попросил, чтобы кто-нибудь из господ драконов поджег кусок древесины, который он принес. Вежливо, потому что мама учила его быть воспитанным мальчиком, не смотря ни на что. Даже если собеседник оказывается последней сволочью, нужно непременно быть спокойным и разговаривать следует лишь так, учтиво и вежливо. Потому как каждый волен быть кем угодно, а голову терять следует лишь только в буквальном смысле. Опешившие от такого подхода драконы подпалили деревяшку, победно размахивая которой мальчик вернулся к своей группе. Ящерам бы насторожиться – дети осмелели и пришли в себя настолько, что вежливо и спокойно обращаются уже с третьей просьбой, но были слишком заняты обсуждением своих насущных дел, чтобы обращать внимание на человеческих козявок, которые нужны до поры до времени, а потом все равно пойдут на съедение.

Рыболовы принесли рыбы, девочки, что постарше, как смогли, почистили и разделали ее, нацепили на валявшиеся неподалеку прутьики, невесть как оказавшиеся здесь. И, вскоре насытившиеся и отмытые дети уже спали, расположившись вокруг тлеющего костерка. Они не оставили никого дозорным или костровым. Несмотря на все испытания, подтолкнувшие их к преждевременному взрослению, они все же оставались детьми.

В Пещере Ветров царило затишье. Дети спали. Драконы дремали, разместившись в темных углах – лишь иногда в свете полупотухшего костра всверкивал полуоткрытый глаз, озирающийся вокруг – спать не велено, но подремывать-то можно. Костерок тлел-дотлевал, да и потух совсем. Стало совсем темно.

Вальд проснулся от нестерпимой боли в животе, которая согнула его пополам. Непривычная обильная еда и сырая вода, выпитая после жирной рыбы, сделали свое дело. Мучительная резь и бурчание не давали спать. Мальчик встал, на ощупь пробрался к куче камней, стараясь отойти подальше, чтобы самому потом не вляпаться. Мрак царил непроглядный. Лишь сверху кое-где светлели какие-то пятна. Долго сидел, освобождая желудок, еда выходила со стонами и вздохами. Когда смог подняться, ноги зашлись в мелкой противной дрожи. Пошарил руками вокруг – ни листика, ничего похожего даже на это не было. Подтираться песком совершенно не хотелось. Мальчик, сызмальства приученный матерью содержать себя в чистоте, даже в пустыне, где влага становилась мерилем жизни и предметом первой необходимости, решил добраться до воды, чтобы совершить необходимый туалет. Где ползком, где на карачках, где на ощупь – потихоньку, помаленьку, придерживая одной рукой штаны, дополз до влажного песка и тут же пребольно ударился об шершавый здоровущий камень, лежащий у кромки воды. Попрыгал на одной ноге, шипя от боли, но даже не вскрикнул, опасаясь, что разбудит ящеров. Да и спутников переполошить не хотел.

Вальд, как истинный астроном, врожденным чутьем уже давно вычислил всех, кто к каким кастам принадлежал. Нашел и того, кто был его кровником. Это был тот вечно молчащий мальчик, которого звали Кир, у него была бумажка, на ней написано, как его имя. Вальд очень удивился, что есть еще астроном-ребенок, мама говорила ему, что он остался един-

ственный на весь Мир, а то и на всю Зорию. Глаза привыкли к царящему мраку, который уже не казался таким непроглядным. Откуда-то попадали полосы серого света, в которых плясали пещерные пылинки. Вальд добрался до воды, вымылся, и не смог удержаться, чтобы не поплавать в прохладной темной водичке, которая перестала быть враждебной и неживой. Воду впервые в жизни в таком изобилии он увидел совсем недавно и не мог никак насладиться ее вкусом, прохладой и ощущениями. Плавал долго. Чувствуя, что начинает мерзнуть, выбрался на песок, заметив, что оказался далеко от спящих. Попрыгал поочередно на ногах, чтобы вылилась вода из ушей – так научили его вчера ребяташки, для которых купание не было новинкой. Были даже и такие, которые купаться не любили совершенно, хотя вчера в воду полезли и они. Их Вальд не мог понять, как ни пытался. Даже сейчас, когда мальчик только покинул воду и уселся обсыхать на куске дерева, неизвестно какими путями попавшего сюда, его тянуло снова окунуться. Одежда осталась там, где он вошел в воду, а в пещере было довольно зябко. Сидел, вздрагивая от окружающей прохлады, обняв себя руками. От нечего делать и от присущего всем детям любопытства, жадного до чудес, начал вертеть головой в разные стороны. Потом решил согреться – попрыгать, растереть ноги-руки. В посветлевшем воздухе увидел нечто, привлекающее взгляд – что-то блестящее. Это нечто поблескивало в неглубокой ямке неподалеку от воды, полускрытое какими-то тряпками и высохшими ветками. Решил подойти поближе, чтобы лучше рассмотреть находку – и увидел шесть диковинных каких-то ключей. Они блестели в полумраке пещеры, словно лежали под ярчайшим светом. На первый взгляд они были похожи, как две песчинки, но вот на второй взгляд – казались похожими на ступеньки – первая, вторая, третья, и так до шестой. В полумраке пещеры они звенели, звали: «Прикоснись, дотронься, заberi нас, нам так одиноко тут...». Но мальчик был умен и сообразителен. Он твердо знал, что чужие вещи трогать нельзя, как бы соблазнительно они не выглядели. А забирать себе и вовсе – они ж чужие. Но место приметил, где лежат эти штуки, похожие на ключи – стены там исписаны какими-то темными знаками. Увидел, что на стенах пещеры заплясали-завдвигались крылатые тени, стали видны стены пещеры – пора было возвращаться. С удовольствием снова погрузился в воду, которая уже не казалась такой маслянисто-черной, как недавно. Нырнул – умение плавать и нырять пришло к нему само и сразу – словно он всегда это знал. Выбрался на песок рядом со своей одеждой, натянул тряпки на еще влажное тело и бесшумно пробрался к детям, до сих пор спавших беспокойным сном. Улегся почти в самом центре, чтобы не привлекать внимание драконов, если вдруг те решат устроить осмотр своих маленьких пленников. А ящеры и на самом деле просыпались – словно кто-то пнул каждого и велел вставать. Проснулись, сгрудились возле выхода из пещеры. Дети еще спали. Сам он лежал, тщательно зажмурил глаза, стараясь не шевелиться, даже дышал реже. Сердечко билось в бешеном ритме, мальчик постарался обратиться в слух, аж вспотел от желания расслышать, о чем говорят их мучители. Услышал торопливый шепот и вздрогнул – от неожиданности. Приоткрыл глаз: рядом лежал неподвижно мальчик. Он скороговоркой зачастил про то, что драконы говорят о ключах, о том, что скоро придет Хрон, и надо будет опять тащить эти куски мяса – это они про нас, – горько усмехнулся мальчик, – а ключи, ключи кто понесет, да кто понесет, пусть эти и несут, мне они лапы жгут. Мальчик замолк, потом всхлипнул:

– А сейчас они говорят о том, все ли мы нужны Хрону или можно часть сожрать, не хотят таскать нас, говорят, крылья не смыкаются, лететь тяжело, особенно ноет вон тот, который будто бы из куска жирного тумана сделан – я такой туман только над ущельем Водопадов видел. А вон тот зеленый ему поддакивает.

Таймант повернула рогатую голову сторону озера, и мальчик испуганно замолк. Вальд подождал, подождал, потом ткнул соседа локтем в бок:

– Тебя как зовут, и как ты слышишь, о чем они говорят? У тебя родители были пастыри или повитухи? И ты как узнал, что я не сплю?

– Абрахам меня зовут, мать у меня – повитуха, только она замуж за пастыря вышла и клан свой оставила, а я в деревне рос, в Кулаках, рядом с тем замком, где мы были. Я том замке родился. Только мамка меня почему-то не любила и отправила в деревню. А ты меня не прогонишь? Меня много, кто прогонял... – мальчик замолк, шмыгнув носом. Говорил он вполне связно, но так, словно кто-то его подгонял:

– Я мало с кем говорю, потому что все смеются надо мной. Мне сейчас страшно. Я увидел, как ты купаться ходил, ты смелый! А рядом со мной Кир лежит, он на тебя похож, только не говорит совсем, у него бумажки есть, на которых написано, что он хочет спросить, да вот у нас же не все читать могут. Я не могу, – протарахтел быстрым шепотом и снова грустно замолк.

Вальд собрался уже спросить что-то, как Абрахам снова затараторил едва слышно:

– Мы все боимся, что они нас сожрут, все друг за друга прячутся, а ты – нет, ты странный. Кир тоже не спит давно, он тебя первый услышал. Я потом проснулся, оттого, что он дышать стал по-другому, не как во сне.

Вальд усмехнулся:

– Вот теперь даже если буду слышать и видеть, что спите, сопите, аж похрапываете – все равно подойду и попинаю, чтобы точно знать. Я думал, что один не сплю. У меня живот заболел, а потом купаться пошел. Улегся и услышал, что они шушукуются, начал слушать, а тут ты. Ты когда шептать начал, я так напугался, что чуть не подпрыгнул, а ты говоришь – смелый. Я буду звать тебя Эйбом?

Абрахам кивнул:

– А еще я проснулся оттого, что у тебя живот бурчал так, как привидение больное разговаривает – фыркнул от смеха и передал Вальду бумажку:

– Это Кир тебя прочесть просит, он видел, как ты в замке на стене писал.

Вальд прочитал – вот же тихони, и в изумлении приподнялся на локте. На обтрепанном куске бумаги была короткая надпись: «А давайте убежим?» Вот так молчун! За все время этот Кир ни разу даже голоса не подал, а тут сразу вон что предлагает. Молодчина, что сказать... Вальд повернулся, уже открыв рот, чтобы поинтересоваться, каким же образом они смогут просочиться мимо этих чешуйчатых туш на выходе, и как быстро надо будет потом бежать, чтобы крылатые твари не смогли их догнать. И тут события понеслись с какой-то безумной, совершенно немыслимой скоростью, так быстро, что дети не успевали даже осознать происходящее и перекинуться словом.

Пленников разбудили – подходить близко не надо было – рявкнули от входа. Все, даже те, кто крепко спал, всполошились, проснувшись от такого рыка. Малыши заплакали – беззвучно, без всхлипа и без хлюпанья носами. На них шикнули и они, вытирая исхудавшими кулачками глаза, затихли. Маленьким пленникам велели встать и подойти к озеру – там было светлее – выстроиться в одну линию. Старшие помогли младшим, и дети молча, без жалоб и причитаний, без слез и криков, выстроились, где было велено. Их было семнадцать – десять мальчиков и семь девочек. Некоторые совсем малыши, но после того, что они перенесли – никто в Мире, пожалуй, не сможет назвать их детьми – слишком безжизненными стали их лица и пустынные глаза, видевшие то, что никто не видел. Пленники стояли и ждали, переминаясь с ноги на ногу. Драконы по-прежнему шушукались, если можно так назвать неразборчивый громкий шепот, возле входа в пещеру. Потом ящеры покорно расступились, пропуская кого-то. В пещере повеяло ужасом и ледяным холодом, растекавшимся от шагнувшего к пленникам человека с темной бородой. Когда он подошел ближе, стало заметно, что кожи у него нет совсем или она так прозрачна, что сквозь нее видны мышцы. Глаза пришедшего горели странным, бездымным пламенем, волосы словно опалены и еще тлеют. Он был странен и страшен настолько, что драконы выглядели на его фоне почти безобидными. Дети затаили дыхание, кто-то икнул от страха,

от кого-то резко запахло мочой. Эйб, икнув от страха, смог косноязычно прошептать, и на фоне царящего беззвучия этот шепот прозвучал громче громкого: «Это же ХРОН...»

– Узнали, узнали, сорванцы вы этакие. Не зря вас родители учили, не зря. Ну, мальчик, выйди вперед. Станные у тебя волосы, белые такие. Да, да, ты. ТЫ же меня узнал? – искривленный ноготь указал на Абрахама, который от непереносимого ужаса немедленно намочил штаны. Но вышел, сделав один дрожащий шаг вперед.

– И сосед твой пусть выйдет, тот, кто справа, да и тот, кто слева, тоже пусть выходит. Я не могу смотреть, если придется вас разлучить, я так добр. Вы же друзья, да? Тут и маленький уродец смог найти себе друзей...

Кир и Вальд переглянувшись, взялись за руки и присоединились к Эйбу, у которого запылали от стыда уши, резко контрастируя с побелевшим от страха лицом. Так были вызваны еще двое: круглолицый мальчик лет семи, и девочка лет пяти. Вальд про себя отметил, что мальчик из клана весовщиков, а девочка – явная представительница купцов. Сейчас стояли они, пятеро, бездумно разглядывая того, кого боялись даже драконы. А в глазах темного владыки отражалось их вероятное будущее – то, что с ними будет дальше. Будущее, которого все они боялись так сильно, что со стороны казалось, что ничего не чувствуют. Ожидание смерти было хуже, чем сама она, с этим-то ощущением сжились, оно уже не пугало. Смерть станет их ближайшей подругой, потерянной матерью, в ледяных руках которой они, наконец, уснут спокойно. Но она ли ждет их впереди? Хрон велел детям взяться за руки и прыгнуть в озеро, как можно глубже, набрав полную грудь воздуха. В воде находиться, пока он не прикажет выходить, даруя хлипкую надежду на то, что они пока будут живы.

Погружаясь в прохладную воду, Вальд повернул голову, чтобы посмотреть, как прыгнут остальные – лучше бы он этого не делал. Все те – кроме их пятерых – те, кто остался на берегу, были пожираемы драконами, которые давно уже облизывались на нежное мясо, за которым им приходилось наблюдать. Выжившие пятеро не смогли долго оставаться под водой, даже, несмотря на приказание темнобородого, вынырнули и им пришлось смотреть на ужасающее пиршество, которое, впрочем, длилось совсем недолго – дети были слишком малы, а ящеры слишком прожорливы. Выжившие потихоньку доплыли до отмели, и теперь стояли в воде по пояс, держась за руки, ожидая приказа выйти на берег. Вальд остался самым старшим, глаза застила слеза от бессильной ярости. Потом он решил, что отомстить-то, пожалуй, можно, хотя бы попробовать. Нет, убивать или как-то калечить своих обидчиков мальчик не собирался – он точно знал свои силы. Потихоньку отцепил руки Кира и Эйба, нырнул и поплыл туда, где видел ключи. Терять было нечего, страх пропал – зачем-то же нужны они живыми. Он не спешил, не зная, сколько у него времени осталось, хотя это уже было и не важно. Бесшумно вышел из воды, достал ключи и перепрятал их – недалеко, но так, чтобы тому, кто их раньше прятал, не найти. Снова погрузился в воду и быстро вернулся к своим. И вовремя. С берега прогрехотал приказ выйти на берег. Они побрели, оступаясь и вздрагивая от внезапно подступившей прохлады, выбрались на песок и остановились. Маленькие старички, у которых больше не будет невинных детских снов, которые будут теперь играть только в прятки – бесшумно, стараясь спрятаться как можно лучше, или будут сидеть неподвижно, глядя в одну точку и вздрагивая от резких звуков.

Хрон подошел к детям, вытирая окровавленные губы – он тоже принял участие в пиршестве:

– Искупались, теперь садитесь, грейтесь, – взмахом руки зажег небольшую песчаную кучку, – Вы показали себя удачливыми рыболовами, голодными не останетесь. Я вас покидаю, несмотря на то, что мне бы очень хотелось познакомиться с вами поближе, особенно с вами, дружочки, – он указал на Кира и Вальда.

В глазах его появилось искреннее недоумение:

– Откуда вы взялись, а? Я, конечно, очень рад, что вы к нам присоединились, – кривая усмешка, обнажившая острые белоснежные зубы, – И мне гораздо упрощает дело, то, что вы здесь – просто подарок какой-то! Я скоро вернусь, и мы еще побеседуем, да, мои молчаливые друзья. До свидания, детки.

И исчез, оставив остолбеневших детей рядом с костром из полыхающего песка.

Вот тут нервы выжившей девчушки не выдержали, она плюхнулась на песок и заревела во весь голос. Мальчики окружили ее тесным кольцом, несмело утешая. Кир присел рядом на корточки, достал из кармана невесть какими путями попавшую туда маленькую тряпичную куклу и молча протянул ей. Рыдания утихли как по волшебству. Облегченно вздохнув, все упали на прохладный песок возле полыхающего без дров костра. Горевать о погибших спутниках долго не пришлось – голод давал о себе знать, да дети вовсе по-другому горюют о своих потерях. Взрослым может показаться такое отношение полнейшим бесчувствием – но нет, горе будет идти рядом с ребенком, всегда напоминая о себе, возвращаясь во снах, в играх, сопровождая взросление до того момента, когда маленький человечек становится большим и уже может одолеть то, что ранее просто убило бы. Потеря любимой игрушки в детстве равнозначна потере кого-то из близких – и то, и другое одинаково значимы в маленьком мире.

Мальчики молча распределились – кто останется возле костра, а кто пойдет на рыбалку. Никто не устраивал истерик, не бился в нервных судорогах. Все было просто – надо думать о сегодня, потому как «завтра» могло просто не наступить. Голод подступил так, что в животах забурчало. Костер свой решили не разжигать – то, что могло гореть, сожгли вчера, отходить далеко, где темно и могли бы остаться дрова, никому не хотелось, пришлось пользоваться тем, что был зажжен. Драконы утихомирились и не лезли к детям, дремали, сыто покачиваясь, перекрыв выход из пещеры. Вальд и Эйб пошли к озеру и через короткое время уже несли немалый улов к костру – рыба была непуганой, рыбачили здесь очень и очень редко – можно даже сказать, что и никогда ранее. Как чистить рыбу никто не знал – в прошлый раз этим занимались старшие девочки, которых теперь не было. Поэтому сложили на угли костра и ждали, пока запахнет съедобно. Когда попробовали самую большую рыбку, она уже покрылась аппетитной корочкой, а снизу немного подгорела. Вытащили каждому по порции и накинулись на еду. Оголодав за время заключения, они никак не могли насытиться. Вальд помнил о том, как ему было плохо, но все же не мог остановиться – рыба казалась такой вкусной. Когда все косточки были обглоданы, дети молча уселись вокруг костра, глядя на пламя. Первым не выдержал Эйб, который немного осмелел – никто его не дразнил, никто над ним не смеялся и не прогонял, хотя тот плохой дядька называл его уродом при всех:

– Вальд, а что мы дальше делать будем?

Вальд осторожно оглянулся на стерегущих их ящеров, которые все еще дремали. Некоторое время настороженно смотрел, веселенькая картинка: пять огромных драконов, свернув крылья и спрятав головы под них, спят, ну словно курицы на насесте. Одно лишь плохо – спят возле самого выхода. Да и спят ли? Вальд был мальчиком неглупым и понимал, что они могут лишь казаться спящими. Поэтому он сказал Киру и Эйбу сделать вид, что они плачут – негромко, но слышно, а остальные будут утешать, типа, напугались этого темного и жалко тех, что погибли. Перезнакомились быстро с остальными выжившими. Девочку звали Мирра Розенпорт, а мальчика-весовщика – Марк де Балиа. Несмотря на то, что все они были детьми, кровь проявлялась в них столь ярко и явно, поэтому-то Хрон выбрал именно их, а Вальд сейчас объяснил для чего. Торопливым шепотом на фоне завываний и рыданий Кира и Эйба, словно утешая их, мальчик рассказал, что они, дети, должны будут нести ключи, а потом, в нужный момент использовать эти ключи. Сказал, что знает, где эти ключи лежат. Потом предложил Киру перестать рыдать, вместо него «зарыдал» Марк. Вальд спросил у Кира, каким образом он думает бежать? Кир достал новый клочок бумажки из кармана, потом передумал, бумажку спрятал, а начал рисовать на песке – нарисовал подобие пещеры, в которой они сейчас нахо-

дились, и показал наверх, туда, откуда пробивался свет. Знаками показал, что ночью – темно, а днем светло и здесь, значит, там есть какие-то отверстия, значит, они могут сквозь них пролезть и кому-то надо попробовать сейчас, когда ящеры дремлют и не обращают на них внимания. Выбрали Марка – он самый маленький по росту. Разработанный план побега сделал честь бы и любому взрослому.

Дети сделали вид, что собираются спать, сходили по очереди за камушки по нужде и улеглись возле еще пылающего костра. Через какое-то время Марк начал ворочаться – болит живот, сил нет. Встал и снова пошел за камушки, постанывая, плотно прижимая ладони к животу. Там, за камушками, своим сверхразвитым чутьем он нашел отверстия, сквозь которые в пещеру проникает свет и воздух. Но они слишком высоко. Постоял некоторое время, задрал голову, раздумывая, как же подобраться. И вновь выручает чутье – опускает голову и видит, что возле стены есть отверстие достаточно широкое для детского тельца. Подтягивается, залезает в него, ползет, понимая, что сейчас он уязвим, как никогда, что никакие приказы Хрона не удержат драконов от расправы, если он будет пойман на месте преступления. Лаз довольно узкий, но все дети, даже самый высокий – Вальд, и самый широкий – Эйб, смогут протиснуться здесь. Осыпавшиеся мелкие камни расцарапывают в кровь руки и лицо Марка. Он полз и полз, пока не увидел, что никаких преград впереди нет, там голубеет небо, которое уже потемнело до темно-голубого, и дневные светила уже зашли, и чувствуется, что день клонится к вечеру, что скоро случится закат, а это значит, более благоприятного времени для побега может и не быть. Пятясь назад – не развернуться, слишком узко, Марк спешит из всех сил, пытаясь попасть обратно. Ему еще надо будет изобразить драку или падение, чтобы скрыть следы крови и царапины, если вдруг их стражи проснулись. Лаз начал темнеть – скоро вход в пещеру, потом ноги повисли – Марк прыгнул, хотя отверстие было невысоко над песком, сердце замерло – прыгал в неизвестность, не видя и не слыша, куда попадет. Его могли уже давно хватиться и ждать возле выхода, пока он, не зная, прыгнет прямо в драконью пасть. В те краткие секунды, пока летел до песка, перед глазами мальчика промелькнули самые страшные картинки, которые только он мог себе представить. Упал на песок и сжался в ужасе, закрыв глаза, стараясь занимать как можно меньше места. Полежал немного, ничего не происходило, осторожно приоткрыв глаза, осмотрелся и увидел, что все по-прежнему – драконы дремлют, а его собратья по несчастью так и лежат сонной кучей возле горевшего костра. Вот уж костер – кто бы мог подумать, что песок может так гореть – не спекаясь, не плавясь, вокруг каждой песчинки просто появилось пламя, горящее и непотухающее. Марк вышел из-за камня, неловко подвернул ногу и упал навзничь – лицом, руками и ногами прямо на мелкие камни, словно нарочно рассыпанные на берегу. Мельком увидел, как вздрогнул Вальд, который лежал так, чтобы можно было незаметно наблюдать и за драконами и камнями, за которыми скрылся маленький весовщик. Марк поднялся, захныкал, отряхиваясь, потом поковылял к воде, чтобы вымыть свои раны и царапины. Заныл погромче, якобы разбуженный Вальд поднялся с недовольным видом – его же разбудили – узнал, в чем дело и принялся помогать, ворча на мальчика, что он так неловок.

Если бы драконы не были так спесивы и вспоминали хоть изредка, какими хитрыми могут быть люди, особенно те, которым нечего терять – они бы могли что-то заподозрить. Дети – не самые лучшие конспираторы. Много из того, что задумали маленькие узники, было хитростью, «шитой белыми нитками». Но слуги Хрона позабывали свои людские сущности, кровь их стала другой – черно-багровой холодной кровью ящеров. Перегородив своими тушами выход, они считали, что полностью выполнили приказание своего властелина: не выпускать наружу ни в коем случае. В своей гордыне сделав человеческих козлявок еще меньше и тупее, чем те были на самом деле. Особенно эти козлявки. Не зря именно их оставил в живых Хрон – он, как и астрономы, как и Прим, распознавал печать крови на расстоянии и оставил пятерых, которые стоили многого: Кир де Аастр – дитя каменщика и астронома, Вальд де Аастр – пастыря

и астронома, Эйб фон Маар – пастыря и повитухи, Марк де Балиа – чистокровный весовщик, Мирра Розенпорт – дочь известного купца Мохавы Розенпорта. Даже сейчас, в столь юном возрасте они решили спастись, а не сидеть и ждать, пока их постигнет невеселая участь всех детей, которые имели до этого дело с драконами. Они не обольщались своей нужностью, зная, что когда эта надобность отпадет, пощады ждать не придется. Они смогли придумать, что делать, как делать и при этом каждый из них проявил свои наилучшие качества.

Бежать решили прямо сейчас, потому как другой возможности может и не появиться, может заявиться снова этот злобный дядька без кожи, а одно воспоминание об обещании поговорить с ними, вгоняло Вальда и Кира в дрожь. Они точно знали, что таких, как они, в Мире больше нет – у клана астрономов не может быть детей, потому, что нет больше женщин. Но! Есть же где-то их матери – Селена и Лентина, которые вполне могли родить братиков и сестреночек – значит надо сбежать самим и предупредить своих о драконах и о Хроне и о ключах, которые зачем-то позарез нужны. Решили дожидаться, пока не станет темно, астрономы выведут к лазу из пещеры, потом поведет весовщик. Только вот одна загвоздка – песчаный костер никак не желал тухнуть, чтобы в пещере было совсем темно. Хотя Вальд подозревал, что ящеры могут видеть во мраке.

Дети проснулись, потянулись и решили снова подкрепиться, благо время еще оставалось. В этот раз пошли купаться и рыбачить все вместе, опасливо поглядывая в сторону своих сторожей. Решили пошуметь, как следует – на их гвалт драконы открыли глаза и удивленно воззрились на потерявших страх пленников. Тайамант подошла поближе, тяжело переступая когтистыми лапами, цыкнула на детей, велев быть потише, иначе разгонит по разным углам пещеры. Угроза подействовала, предел терпения стал ясен. Да и не хотелось быть вдалеке друг от друга. Купались теперь почти бесшумно, если попадалась рыба – ловили ее голыми руками. В ловле рыбы всех превзошел Кир, добыча словно сама прыгала ему в руки. Наловив достаточно, дети гуськом вышли из воды, снова напекли рыбы – кое-как почистив ее при помощи найденных камней с острыми краями, наелись с удовольствием, памятуя о голодных днях в замке. Мирра всхлипнула, вспомнив тех, кого уже никогда не увидит – тех, кто был сожран. Марк дернул ее за волосы, велев не хныкать. Девочка была достаточно разумна, подумав, что, если она разревется, то остановиться уже не сможет, а если будет рыдать – то может привлечь ненужное внимание. Затихла. Дети вяло поиграли – забав особенно-то и не было, песок да камни. Тайамант не пустила их вглубь пещеры, где были драгоценности – драконы не любят делиться – она и остальных драконов туда не пускала. Игры получались скучные, поэтому вскоре уселись в кружок возле костра и потихоньку рассказывали сказки и страшные истории, кто какие знал – хотя все страшилки, которые пугали ранее, теперь казались немного смешными. Мрак в пещере сгущался, теперь лишь возле костра было светло. Драконы повозились немного после того, как их разбудили шумом и гамом, напились воды и залегли снова, только теперь более основательно – они были сыты, никто их не тревожил, твердо знали, что мимо них пленникам пройти не удастся, опасаться их не стоит – могли себе позволить полноценный отдых. Дети улеглись на границе света и тени от костра, так, чтобы можно было, как можно незаметнее, улизнуть. Соорудили из кучек песка нечто, издавала напоминающее спящие фигуры. И вот наступил момент, когда пещеру оглашали громогласные рулады драконьего храпа, Вальд махнул рукой. Кир полз первый, огибая попадающиеся препятствия, бесшумно, ловко и быстро. За ним ползли Мирра, Эйб, Марк, замыкал Вальд. Добрались до лаза без происшествий. Все начали потихоньку пробираться внутрь, а Вальд решил – если поймут, все равно не жить, так хоть так насолим этим гадам. Шепотом попросил подождать, бесшумно растворился в темноте. Оставшиеся недоуменно стояли, их нетерпение нарастало, с ужасом ждали криков боли, рычания и хлопанья крыльев – того, что предупредит их о неудаче, поэтому вздрогнули от неожиданности, когда Вальд появился также бесшумно, как и пропал. Он был по пояс голый. А в руке держал что-то, завернутое в свою одежду. Махнул рукой в сторону лаза.

Первым полез по проторенной уже дорожке Марк, остальные за ним, Вальд ненадолго замешкался, привязывая на спину сверток, чтобы руки оставались свободными. Ползли долго, вздрагивая от каждого шороха, воображение разыгралось, чудилось, что вот-вот схватят за ногу или вытащат за волосы из лаза. Марк дополз до выхода, снаружи было совершенно темно. Была ночь новолуний, поэтому лишь свет далеких равнодушных звезд встретил перепачканных и исцарапанных детей, когда они выбрались. Выбрались и упали рядом с норой, вдыхая воздух, такой сладкий воздух свободы – пахло нагретой за день почвой, которая была еще теплая – давно не чувствовали этого; затхлая вонь пещеры, в замке и вовсе воняло, как на бойне – обострили обоняние. Отдышались, огляделись и решили, что пора бы и отсюда уже. Впервые за всю историю Мира маленький отрядик вели два астронома и весовщик, поэтому нигде не хрустнула веточка, не вскрикнула ночная птица – так бесшумны и почти невидимы они были, хотя были малы.

Поразмыслив немного, дети решили, что надо идти в Блангорру, что там Прим и кастыри, там взрослые, которые знают, что делать с драконами и их властелином. Вальд хотел заикнуться о том, что надо бы найти его маму, но вовремя замолчал, памятуя о своей драгоценной ноше. Он решил никому про нее не говорить. Пока лежали на холме, он оделся и перепрятал то, что нес, во всякие секретные кармашки и карманчики, которых у любого мальчишки предостаточно. Он заметил, что Кир смотрит на него внимательно-внимательно, подмигнул ему и прижал палец к губам, призывая молчать.

Холмы были огромными, и предстоял еще длинный путь, чтобы попасть хотя бы к торным путям. Быстрым, легким шагом добрались до опушки, нашли там ягодник, который острые глаза астрономов и потрясающий нюх весовщика обнаружили издалека и в темноте. Досыта наелись спелых темно-синих ягод – дети знали, что они съедобны, но не помнили, как называются. Да это было и не важно. Потом немного передохнули и решили, что нужно идти, пока драконы не проснулись и не обнаружили, что клетка опустела.

Глава 2. Нежданные встречи

Селена и Лентина спешили, что было сил, нетерпеливое предчувствие гнало их вперед. Они не могли спать, ели на ходу, останавливаясь лишь для того, чтобы пополнить запасы воды и дать передохнуть коню. Надежда гнала их вперед, боязнь опоздать подстегивала. Молили Семерку, чтобы дети оставались живы к их приезду. Молили всех богов сразу, чтобы помогли, чтобы не отвернулись. Когда увидели лес и холмы возле Речного перекрестка, а вскоре должна была показаться Пещера Ветров, у обеих бешено бились сердца и пересохли губы. Спешились, решив соблюдать максимальную осторожность, на которую только были способны. Коня привязали покрепче – так, чтобы он мог дотянуться и до травы, и до воды, и, крадучись, начали пробираться к входу в Пещеру Ветров. С трудом дождались, когда дневные светила спрячут свои пылающие лики за горизонтом, ночных светил сегодня не предвиделось – наступала ночь новолуний. Знакомые с детства созвездия прорезали бархатную ткань ночного неба острыми лучами, свет их умирал над Зорией в немыслимой высоте. Резким диссонансом выделялись семь звезд, выстроившихся в прямую линию, почти в самом центре ночного небосклона, окончательно разрушая веру в то, что все, может быть, изменится к лучшему само собой. Лишь астрономы, которые одинаково хорошо видят в темноте и на свету, могли идти быстро и туда, куда нужно в такую темень. Лентина внезапно вспомнила что-то, дернула кровницу за рукав, которая, повернувшись на ходу, прошипела сквозь зубы:

– Ну, что еще? – аж подпрыгнула, нервы натянуты, словно струна.

– Ты про эту Пещеру вообще слышала хоть что-нибудь? В Диких мирах про нее тебе ничего не говорили? Или с детства, может быть, помнишь?

Селена отрицательно помахала головой, продолжая быстрым шагом приближаться к темневшему во мраке провалу.

– У нас говорят, что всякий вошедший в Пещеру Ветров выходит оттуда, если вообще выходит, глубоким старцем, в истлевших одеждах, изъеденный болезнями и потом живет совсем недолго. Ты, правда, хочешь войти туда?

– Ну что ты за человек такой, а, Лентина? Какая мне разница, какой я выйду, если мой мальчик там? Если он ждет меня и думает, где же эта мать его? Почему она до сих пор не пришла? Почему она не догадалась раньше, что я жив? Да я в хранилища спущусь, отдам свои уши, лишь бы он жил. А если выйти мы не сможем, так, по крайней мере, мы будем вместе – а там – выйдем или нет, пустое все это. Я, Селена, астрономава кровь, хотя бы попытаюсь спасти одного из последних детей Аастра, и помогу тем, кто в этом нуждается, клянусь временем.

Селена, сама не зная того, вспомнила древнюю клятву астрономов, которую произносили шедшие на неминуемую гибель. Потом она еще долго кипятилась, призывая на рогатые головы похитителей все кары мирские и небесные.

– А зачем ты спрашиваешь? Ты передумала? – подозрительно прищурила глазища – жизнь в Диких мирах учит недоверию, выбивая наивность песчаными кнутами.

Лентина стояла, скрестив руки, молча улыбалась.

– Постой-ка, ты же думаешь так же, как я! Зачем, зачем ты спрашиваешь, а? – недоверие сменило недоумение.

Лентина прищурилась:

– Чтобы знать, затем и спрашивала. Лучше я буду знать, что мы пойдем до конца вместе даже без ушей. Вперед?

Шагнули. И случилось странное: с холма, с той части, которая вся заросла какими-то темными кустами, стоявшими плотной стеной, кубарем скатились пятеро ребятешек. Один

из них, врезавшись на полном ходу в девушек, прошипел сквозь зубы, запыхавшись так, что мог только шипеть:

– Вы же люди, да? Вы же настоящие? Бежим, бежим, надо подальше убежать, потом мы все расскажем.

Голос мальчика казался Селене таким знакомым, таким родным, но выяснять было некогда. Ужас в его голосе заставлял переставлять ноги как можно быстрее. Мальчик несся первым, девушки, схватив остальных детей за руки, бежали следом. Потом Лентина заставила всех свернуть к их повозке. Тут и остановились, чтобы отдышаться и, наконец, объясниться. Селена и Лентина едва не сошли с ума от радости, видя, что их сыновья живы: чумазые, лохматые, в каких-то отрепьях, исхудавшие, но живые. Хохочут, словно сотворили такую шутку, которая понятна только им одним – только смех тот нервный, еще чуть, и прорвутся слезы. Но смех все-таки помог. Ужас понемногу пропадал из глаз детей. Трое других ребятишек стояли чуть в сторонке, с опаской разглядывая встретившихся. Вальд подбежал к своим маленьким спутникам, затормозил, закружил, запрыгал вокруг:

– Это же моя мамка, моя мамка! Понимаете?! Она шла за мной, она меня нашла!!!

Селена усмехнулась:

– Надо еще посмотреть, кто кого нашел... Вы откуда тут взялись?

Лентину ноги не держали, она сидела на камнях, вцепившись Киру в плечо, целуя и обнимая мальчика так, словно боялась, что он сейчас исчезнет.

Из тройки неастрономов вышел мальчик, дитя кланов повитух и пастырей, как почувствовалось, Вальд сказал, что его зовут Абрахам, Эйб. Он-то скороговоркой, хотя и немного косноязычно и рассказал, что произошло с того момента, как драконы перенесли их в эту пещеру. Селена и Лентина, долго не раздумывая, быстро посадили всех детей в повозку, прикрыли их, чем пришлось – нарвали веток всяких, листьев больших, накидали сверху. Прятали, не надеясь особо на такое укрытие. Теперь все решала скорость. Если им удастся добраться до Блангорры за ночь – они, может быть, еще увидят рассвет.

Это была сумасшедшая ночь – дети, натерпевшиеся за последнее время, уснули в повозке, несмотря на то, что трясло немилосердно. Девушки гнали повозку по тем дорогам, которые казались им короче, тем, что могли привести в Блангору до рассвета. Петляли между деревьями, скатывались с крутых откосов, едва не застряли в невесть откуда взявшемся здесь болоте. Через мост ехать не решились, взяли сильно левее, Лентина откуда-то помнила, что там должно быть мелко. Повозка со всего маху съехала с пологого берега в реку. И в самом деле, было мелко – едва по ступицу колеса, но дно было таким рыхлым, что колеса застревали. Пришлось Лентине спуститься в холодную ночную воду, вздрагивая от обступившей ее прохлады, взять коня под уздцы и помочь ему переправить всю ораву. В какой-то момент она оступилась и попала ногой в ямку, сердце замерло, потом рванулось, призывая идти, спасти спасенных, спешить, спешить... И Лентина поспешила, сделала рывок и нащупала на дне твердые камни босыми ногами, с размаху ударившись пальцем об один из них. Пульсирующая боль отвлекла от подступающей паники, и путники благополучно выбрались на берег. Дети даже не проснулись, лишь девочка беспокойно заворочалась во сне, потом сунула чумазый большой палец в рот, и снова засопела. Селена заставила кровницу снять мокрую одежду, закутала ее в одеяло и уложила рядом со спящими, сказав, что нет нужды торчать на козлах вдвоем, ворчливо прибавив при этом:

– Если ты, лягушка, сейчас не замолчишь и не заснешь, я привяжу тебя к повозке, чтобы не потерялась, и заставлю бежать за нами, – потом добавила: – А то простудишься.

Через минуту Лентина уже спала, крепко прижав к себе таким чудесным образом найденного Кира, другой рукой она обнимала того мальчика Эйба, постепенно все дети сползли к ней поближе. Селена, оставшись одна бодрствовать, пустила конька бодрой рысью, не позволяя себе подгонять его чаще, чем нужно, из опасения, что загонит животину. Теперь могла рас-

слабиться. Она безмолвно благодарила Семерку за произошедшее, смахивая слезы ладошкой. То, что случилось, нельзя было назвать никак иначе, это могло быть только чудом. Пятеро детей, сбежавшие от драконов. И еще Вальд шепнул ей, что они сделали такую штуку, ну такую, ты может быть, конечно, заругаешься, но потом не будешь. И уснул, а мать теперь мучалась от неуголенного любопытства, задаваясь вопросом, какую такую штуку задумал ее не в меру сообразительный отпрыск? Но она сейчас была счастлива так полно, что ей хотелось обнять весь Мир, не задумываясь о том, что могли дети натворить. В кои-то веки, не пришлось никому ничего доказывать, не нужно ничего придумывать, не нужно сражаться – судьба и Семерка пошли навстречу. Или это дети оказались не по зубам этим монстрам. Ее немного беспокоил лишь тот «страшный дядька», который обещал поговорить с ее мальчиком по поводу того, почему он жив. Но сегодня Селена решила, что не будет забивать себе голову, а будет наслаждаться этим чудесным моментом. А завтра – будь, что будет. Имело значение лишь то, что они вместе.

Утро застало путешественников вблизи Блангорры. Занимающийся рассвет выкрасил крепостные стены столицы в яростно-розовый цвет, издалека казалось, что камни пылают. Повозка едва тащилась, подпрыгивая на каменистой дороге, девушки обе сидели на козлах – коня уже не подстегивали, опасаясь, что он падет перед самыми воротами, привлекая к ним ненужное внимание. Лентина проснулась перед рассветом, оделась, укутала потеплее все еще спящих детей и, подрагивая от предрассветной свежести, уселась на козлы рядом с кровницей. Ближе к городу они переоделись в плащи, в которых путешествуют купцы, чтобы сбить с толку любого, кто заинтересуется ими. Они понимали, что сейчас быть предметов всеобщего внимания совсем ни к чему – а что они истинная редкость, знали точно. Проснувшихся детей зарыли среди поклажи на самое дно повозки, велел сидеть тихо-тихо. Малыши с такой серьезностью согласились это сделать, что у обеих защемило сердце. О подробностях пережитого в плену у драконов помалкивали, на вопросы отвечать не хотели, отводили глаза, начинали хныкать. Да кровницы и не настаивали, понимая, что там пришлось несладко. Усталый конь из последних сил тащил повозку к воротам, еще рывок – и вот уже каменистая дорога сменилась предмостной площадью, которая была выложена крупными речными камнями, подобранными так искусно, что получающийся узор складывался в имена великой Семерки.

Несмотря на ранний час, ворота были открыты, люд сновал туда-сюда. Лентина рассчитывала на то, что в это время улицы столицы будут пустынные, и они незаметно попадут в Храм Виты, где надеялась встретить мать Оливию. Впрочем, в толпе затеряться – тоже вариант неплохой, среди этого столпотворения можно было прошмыгнуть к Храму. Оставалось лишь узнать, по какому поводу толчея и почему сонная обычно в этот час Блангорра уже кишмя кишит народом. Выяснять не пришлось – прямо над подъемным мостом был натянут огромный кусок белоснежной ткани, на котором торжественно объявлялось появление наследника Прима. Родился новый царенок, и сегодня его должны были представить народу царственные супруги. Совет кастырей собирался заслушать представление верховного кастыря повитух и отчет о рождении наследника на главной площади ровно в полдень. На мосту путникам преградили дорогу охранники – из города выезжала кавалькада весовщиков и пастырей по каким-то срочным государственным делам, и все движение было перекрыто. В толпе зашептались, что в первых рядах сам Маршалл весовщиков, Лентина хотела было броситься под ноги всадников и просить аудиенции у кастыря, так удачно подвернувшегося, но что-то ее остановило, какое-то гнетущее чувство. Потом из повозки высунулась ручонка Марка, маленького весовщика, он крепко схватил Лентину за запястье, сквозь ветки глаза блеснули непролитыми слезами, отрицательно покачал головой, останавливая ее порыв. Девушка решила довериться интуиции двух кланов и попятилась к повозке, пережидая затор. Проезжавший Маршалл в этот момент, словно его кольнуло что-то, повернулся, не останавливая движения, и начал разглядывать толпу, почуяв какую-то опасность, что таилась среди этого безликого люда.

После того, как всадники проехали, движение возобновилось, Селена и Лентина беспрепятственно провели свою драгоценную повозку мимо охраны, которые даже не подумали проверить поклажу – были они свободнокровными, интуиция и чутье у них были обычными человеческими, притупленными.

Девушки решили не светиться, пробираясь в Храм повитух – там сейчас столпотворение, наверное, и повернули в тот самый памятный Лентине «Приют разбитых сердец». Монет было немного, как раз по тамошним расценкам, и вопросов лишних не задавали, если немного добавишь. Человек за конторкой был, как и мостовая охрана, из свободнокровных, записал Лентину, как «госпожу Архобал с сестрой и семьей» – пришлось прикрыться именем из прошлого, но в этом случае все средства были хороши. Несколько блестящих кружочков сверх требуемого сделали свое дело. Документы не потребовали, досмотру не подвергли, к пастырям с доносом никого не отправляли – разве что втихую. Дело было обычное, на то он и «Приют», чтобы любой мог укрыться – и незаконная девка; и любой другой люд, который не желает быть узанным, даже и беглецы от Кодексов – впрочем, эти-то не надолго, если кровавые, их быстро ловили – весовщики свое дело знали.

Вскоре всю их дружную ораву заселили в неприглядный трехместный темный номер. Но, по крайней мере, там было тихо, была вода, три широкие лавки, покрытые ветхими одеялами и массивный деревянный стол. Лентина, еще плотнее закутавшись в плащ, походила по небольшим магазинчикам, набрала одежды и еды – все были изрядно обтрепаны и голодны. А за появление в праздничный день в отрепьях можно было загреметь в Тайную канцелярию на допрос, почему всенародный праздник тебя не радует. Поэтому надо было либо не высовывать носа на улицу, либо принарядиться. Попасть на площадь нужно было обязательно, пришлось потратиться и на наряды из скудных общих средств. Пока Лентина ходила за покупками, Селена перезнакомилась, наконец, со своим новым «семейством». Перемыла мальчишек всех по очереди, закутала в серые от частых стирок гостиничные простыни, и усадила сушиться на лавках, а сама занялась девочкой. Дети были в таком плачевной состоянии, что ей приходилось незаметно, до боли закусывать губы, чтобы не расплакаться, хотя для нее такие близкие слезы – это странно и непривычно. Заставить Селену заплакать – даже раньше, в счастливые деньки юности надо было сильно постараться, чтобы это случилось, а теперь и вовсе. Дикие говаривали про нее: «Камень-девка, ей надо было воином родиться. Крепкий мужик был бы». Селена горько усмехалась тогда, не зная, хорошо это или плохо. Теперь решила, что все-таки хорошо, что она – камень. Отмывая маленькое тельце девочки, которая была такой худенькой, что, казалось, хрупкие косточки могут прорвать тонкую кожицу, Селена, в который раз прокляла Хрона и все его воинство за то, что они сотворили с детьми. Отмытые ребятишки притихли, отвыкнув от такой заботы и купания, теплая вода разморила, и они опять уснули, кто где сушился, среди простыней и полотенец сомнительного белого цвета. Вошедшая Лентина остолбенела, потому как стала свидетельницей непривычной картины. Селена, которая за время их путешествия была строгой, жесткой и непреклонной; Селена, которая могла голыми руками поймать и убить змею; которая могла без промаха бросить кинжал, нож – все, что могло вонзиться, в цель – эта самая Селена, на цыпочках ходит среди спящей детворы и укрывает их изношенными одеялами. И она вытирает распаренными руками катящиеся по щекам слезы. Да уж, было тут от чего впасть в ступор. Но медлить и раздумывать долго не приходилось. Пока дети спали, девушки перекусили, с наслаждением вымылись, выхлюпав всю оставшуюся горячую воду. Потом разбудили свою маленькую армию, накормили их – изголодавшиеся ребятишки ели так, словно никак не могли насытиться – торопливо, едва прожевывая. Управившись с едой, начали наряжаться.

Лентина, с присущим всем женщинам астрономов природным вкусом, на ту малую сумму, которая была, умудрилась приодеть все «семейство» в красивые и изящные наряды, пусть и не новые. Каждому досталось по костюму, подчеркивающему природные достоин-

ства и обозначающему принадлежность к родному клану. Лишь для Вальда, Кира, для себя и Селены ей пришлось подбирать одежду, готовых костюмов не было – потому как, за отсутствием спроса на женскую и детскую одежду для клана астрономов ее просто перестали шить. Дети, переодевшись, стали выглядеть старше своих лет, но взамен этого появилось спокойное достоинство. Врожденные качества кланов, теперь проявлялись так явно, что даже свободно-кровке было ясно – кто какую печать в крови носит. Кир и Вальд, одетые не совсем в клановую одежду, тем не менее, выглядели истинными детьми Аастра: узкие темно-серые штаны, белоснежные рубашки с широким воротником, серые же косынки, спрятавшие темно-каштановые кудри одного и светло-каштановые, почти рыжие, выгоревшие волосы другого, темно-синие плащи с капюшонами сделали их неуловимо похожими друг на друга. Мальчишки теперь всюду ходили вместе, разглядывая друг друга в новых одеяниях. Эйб получил немного из костюма пастыря и немного из повитухиных одежд: широкие штаны и узкая рубашка без воротника, все – серого цвета, темно-серый широкий и длинный плащ с капюшоном, который закрывал лицо. Марка нарядили в черно-красную парадную одежду весовщиков: алые, как кровь, штаны, черный камзол и белая рубаша под ним; ко всему этому полагалась шпага – ее с успехом заменил купленный тут же по случаю кинжал. Маленькой Мирре досталось яблочно-зеленое платье с завышенной талией, лимонно-желтая нижняя рубашка, кружева которой кокетливо выглядывали в квадратном вырезе платья, серо-зеленый длинный плащ, позволявший укутаться в него с головы до ног, с остроконечным капюшоном. Шляпу, которую носили купцы в своих путешествиях, решили не одевать – заплели роскошные соломенного цвета волосы в косу и обернули ее вокруг головы. И маленькая худенькая девчушка внезапно превратилась в наследницу всех именитых и безымянных купцов – принцессу Торга. Селена выглядела такой прекрасной в длинном блестящем светло-сером платье с белоснежным кружевным округлым воротником. Декольте украсило кольцо из фальшивых камней, очень похожих на натуральные – и на те, что в Часовых башнях. Одеяние завершил темно-синий плащ, такой же, как и у Лентины. Лентина – в снежно-белом атласном платье с серо-стальным воротником и с подобным ожерельем.

Когда все закончили свои туалеты, еще раз обговорили план действий. На площадь нужно было попасть как можно более незаметно – для этого и необходимы плащи, в которые можно закутаться. Хотя слишком прятаться тоже не стоило, могли что-нибудь заподозрить и утащить опять же в ту самую Тайную канцелярию, а там господин Магистр уж позаботится обо всех спасителях Мира... Прибыв к Дворцу Примов, после праздничных увеселений, и процедуры символической передачи власти будущему наследнику, необходимо было попасть на частный прием, на котором Примы с новорожденным царенком на руках отвечают на любые задаваемые вопросы.

Селена вела за руки Эйба и Мирру, Лентина – Кира и Марка, Вальд шел чуть впереди, с восторгом разглядывая все, что попадалось на пути. Лишь строгий наказ матери «не задавать вопросов», удерживал его от расспросов, мальчик присутствовал на празднике в большом городе впервые в жизни. Собственно, он и городов-то раньше не видел – вся его предыдущая жизнь прошла среди диких, которые городов не строили. Вокруг бурлил карнавал, по случаю представления наследника город не скупился – бродячие артисты давали представления на предмагазинных площадках тут и там, переодетые горожане веселились напропалую, в фонтанах вместо воды текло вино, аромат которого разносился далеко вокруг, одуряя в наступающей жаре. Жареное мясо, от запаха которого текли слюни, всевозможные фрукты, овощи, пестрота всевозможнейших товаров – все, чем богат Мир, было сегодня здесь. После Торговища, где товары сбывались за границу, блангоррские празднования в честь представления наследника были следующими по популярности среди клана купцов – торговля случалась такой, что только успевай поворачиваться. Перед выступлением Прима, до того, как все высокопоставленные господа соберутся на площади, толпы народа развлекались представлениями: танцы, песни, состязания, фокусники, гимнасты – кого только не было. В этот день даже тиманти

могли выступать на площади, конечно же, не в своей родной ипостаси, но были допущены к празднованию.

Праздник близился к своему апогею. Глашатаи на всех углах оглушительно орали традиционную формулу, которая звучала перед церемонией признания новорожденного царенка:

– Всех граждан Мира и гостей его приглашаем к Пресветлому Дворцу славных наследников небесного Прима! Касты и кастыри, свободнорожденные господа! Прим всемогущий, отец небесный, передает отцу мирскому свое дитя – новорожденного царенка. Славься всемогущая Семерка, прошедшая путь мирской и помнящая о детях своих!

К дворцу Примов тянулась огромная вереница желающих поглазеть на великое чудо – появление говорящего младенца. Это зрелище не приедалось – как же, воплощение того, что боги еще живы и посылают своего сына к ним, ничтожным мирянам. Это, знаете ли, как-то бодрит, что ли. Внушает страх перед неизбежной карой, если грешен вдруг – есть кого бояться, да и есть перед кем каяться; если праведен – можешь рассчитывать на признание заслуг. Свободнокровым и гостям Мира, у которых были свои боги и своя вера, было просто любопытно – как так, младенец и столько много говорит.

Церемония началась. Шли чередой вслед за Примом верховные кастыри. Астроном с часами; повитуха с черной коробкой в левой руке и ножом в правой, в сером фартуке; пастырь в темно-серой, почти черной рясе с капюшоном, закрывающим лицо; каменщик – с молотом и циркулем; весовщик – с завязанными глазами и весами в руках; лишь купцы, дети Торга, шли с пустыми руками, позолотив ладони. Отец Торг не нес в руках своих ничего, что не смог бы продать, а продать он мог все, что попадалось. Согласно Кодексу Торга, его дети не могли обвешивать, обманывать, оговаривать, создавать нечестную конкуренцию, обсуждать клиента, назначать товару неверную цену, сбывать негодный товар. Дети божественных предков свято чтители Кодексы, оставленные им в наследство. И на представление новорожденного Прима являлись неукоснительно, только смерть могла избавить их от участия в церемонии. Попасть на такую церемонию – величайшая честь для живущего с печатью крови. В толпе шептались, что Магистр и Маршалл ненастоящие, настоящие утром куда-то спешно отбыли. И вот, наступило время.

Дневные светила достигли апогея, о чем возвестил верховный астроном. Он стоял немного поодаль от остальных кастырей. Верховная повитуха, шедшая с той, которая обнаружила царенка, сдвинула рычаг на черной коробке – этому устройству так и не придумали никакого другого названия за все время службы. Коробка воспроизвела слова древнего проклятия, которое слово в слово должен повторить новорожденный, если ему суждено стать Примом. Проклятие прозвучало так, как и должно было. На преддворцовой площади воцарилась тишина – кто-то в толпе уронил кошель – и все услышали звон упавших монет в нем; где-то вдалеке всхлипнул ребенок – и это тоже было слышно всем. Не каждый день случалось такое событие, некоторые успевали родиться, возмужать, наплодить потомства и умереть, так и не застав смены Примов. А тут – такой случай выдался. Прима подняла ребенка, который становился теперь ее сыном, высоко вверх на вытянутых руках, которые, несмотря на кажущуюся хрупкость правительницы, легко вознесли пухлого младенца и удерживали его столько времени, сколько потребовалось для свершения церемонии. Шесть кастырей прошли мимо, каждый по-своему благословляя божественного ребенка. Смертные родители царенка в этот момент представляли быть таковыми, словно забывая о существовании отданного ребенка. Никто и никогда не узнавал, кем были эти смертные, что с ними происходило далее, кроме господ из Тайной канцелярии – тех самых, с бегающими глазками – свободнорожденных, работающих на весовщиков, незаметных в толпе. Этих подручных по именам и в лицо никто не знал, но они были – информация, быстрота реагирования и кажущаяся вездесущность детей Веса зависела именно от этих безликих. Шестерка кастырей выстроилась за Примой, которая теперь могла прижать

мальчика к груди. Прим, становящийся отцом, подошел к своей супруге, и они вместе произнесли памятный диалог. Прим-отец звучным голосом возгласил:

– Жена моя, дитя это объято ужасом и принесет нам только ужас, нужно лишить его жизни. И лишить ушей, чтобы его душа не смогла вернуться и пройти тропой времен в Мире.

Потом вступала Прима:

– Муж мой, дитя не может быть виновно в том, что оно напугано. Убей меня, но оставь его в живых. Возьми мои уши, но не тронь его.

Затем Прима передала ребенка его отцу, что она и сделала, как и много правительниц до нее. На этом сама церемония признания ребенка родителями заканчивалась. Черная коробка, свидетельница произнесенного заносилась в реестры весовщиков и пастырей, потом записи из нее переписывались слово в слово, заверялись печатями всех кастырей, и отправлялись на вечное хранение в монастырь, название и местоположение которого было тайной.

Примы и кастыри теперь должны были отвечать на вопросы, которые подготавливались в течение всей жизни многими жителями Мира, с пустяковыми вопросами никто не подходил, осознавая серьезность происходящего. Те, кому не о чем спрашивать, отправились продолжать праздник на площади и улицы города. Осталось довольно-таки много народу, которые образовали некое подобие очереди. Стояли спокойно и тихо, каждый из просителей был погружен в свои мысли, не мешая соседям. Лентина, Селена и дети оказались где-то в середине очереди, все еще закутавшись в плащи, хотя становилось нестерпимо жарко. Господа с шустрыми глазами сновали мимо очереди, оглядывая быстрыми, почти незаметными взорами каждого просителя. По обычаю, даже преступник, заслуживший казни, мог задать свой вопрос Примам в такой день, оставшись неприкосновенным. Но девушки решили на всякий случай подольше сохранять инкогнито. И, лишь оказавшись почти в самом начале очереди, скинули свои жаркие одеяния, к тому моменту ставшие слегка влажными от пота – полдень, жара. Доселе просители равнодушно стояли друг за другом, вперив взгляд в спину впереди стоящего, и поначалу не обратили никакого внимания на компанию, снимавшую плащи. Сыскари к тому моменту уже ушли в хвост очереди. Но стоящему перед девушками полному невысокому мужчине, похожему на мельника, приспичило отлить, он решил ненадолго покинуть свое место и, не желая потерять занятую позицию, повернулся предупредить о том, что он скоро вернется. Открыл уже было рот, да смог только выдохнуть и ахнуть в изумлении. Прошло уж много лет с тех пор, как кто-либо видел женщин клана астрономов, о них слагали сказания и легенды. Мужчины-астрономы были еще живы, некоторые даже полны сил, но весь Мир понимал, что их клан обречен – мужчины не могли даже смотреть с вожделением или любовью на женщин не своего клана – не получалось ничего и все тут, лишь неизбывная тоска сквозила во взглядах обреченных кровников. Только свои, с печатью астрономовой крови могли быть вторыми их половинками. А тут – двое, девушки из клана астрономов, воскресшие, во всей красе, еще и с детьми. Немудрено было так изумиться человеку-мельнику – перед ним стояли живые легенды – стройные, осанистые, сверкающие этими самыми их глазищами, и такие нестерпимо прекрасные, что захватывало дух. Промямлил, что-де скоро придет, и на подламывающихся ногах ушел. И вот уже пополз шепоток, что в очереди сами астрономши стоят. Слух этот взволновал люд, всегда жаждущий сенсаций. Долетел шепоток до сыскарей, и вот уже весовщики на площади. Вот подходят к девушкам, нижайше кланяются и просят их пожаловать после приема Прима в Тайную канцелярию для прояснения ситуации. Из очереди-то увести нельзя, слишком заметно и не по обычаю. Селена хмыкнула, насмешливо сузив глаза – ха, как же – в Тайную, а потом прямо на блюдечке и к Магистру, а уж он постарается весовщикам глаза запорошить и уши заштопать. Оставалось лишь надеяться, что потом все будут заняты другими делами, и ни о какой канцелярии речи уже не будет. Но эти серенькие господа прилипли и не уходили – стояли, как почетный, пока почетный, караул.

Селена и Лентина уже начали переглядываться, придумывая, как улизнуть от этих серых. В очереди пронесся шепоток: «Ди Астрани, кастырь, кастырь...». От шатра, где расположились Пресветлые, быстрым шагом приближался кастырь астрономов, желающий посмотреть на своих якобы кровниц. Подошел и замер от неожиданности, расцветая счастливой улыбкой. Представился, предложил помощь. Но нет, ему пришлось беседовать со кровницами тут же – в очереди, потому как девушки не хотели терять свое место, зная, что очередь сурова и никого потом не пустит и не узнает. Тем более что оставалось всего ничего – два человека. И девушки наотрез отказались пройти без очереди, пряча притихших детей за спины. Впереди стоящий, тот, что первым их узнал, нет-нет да косился на стоящих позади – ему было жутко любопытно, да еще и главный астроном тут, тоже не каждый день увидишь. Селена заупрямилась, сказав, что они должны встретиться с Примами сейчас во что бы то ни стало и именно по обычаю – отстояв очередь. Астроном – Аастр Нейри Ди Астрани, из южных башен, величайший наблюдатель, по праву ставший старшиной клана, был еще и неплохим чтецом душ. Эти невесты откуда появившиеся девы напоминали первых дочерей Аастра – истинная страсть бурлила под их тонкой прекрасной оболочкой. Обманчиво равнодушный вид не смог ввести Ди Астрани в заблуждение, скрыть важность того, что они должны донести до Примов. И это что-то было очень важно. Кастырь астрономов хотел было откланяться, договорившись о дальнейшем разговоре, но Лентина, до этого момента молчаливо наблюдавшая за происходящим, попросила его остаться, сообщив, что и в нем будет необходимость. Аастр побледнел: если это то, о чем он думает – верно, тогда Мир ждут страшные перемены. Вот уже за белоснежный полог зашел тот, кто стоял впереди, а к ним подошел старший офицер караула, который вел записи о посетителях – кто, какого клана, звания, откуда и вопрос для рассмотрения. Некоторые просители вопросы не озвучивали на улице, соглашаясь говорить только с Примами. И такое право было у всех. Но девушки этим правом не воспользовались. Офицер сосредоточенно писал в своей книге, с каждой записью поднимая удивленные брови все выше и выше:

1. Дама Селена Виктория де Аастр, клан астрономов, город Турск, с сыном Торнвальдом де Аастр – клан астрономов и пастырей;
2. Дама Лентина Милена де Аастр, клан астрономов, город Турск, с сыном Киrom де Аастр – клан астрономов и каменщиков;
3. Абрахам де Маар, клан повитух и пастырей, замок фон Мааров, что вблизи Речного Перекрестка;
4. Марк де Балиа, клан весовщиков, г. Юстига на озере Великий Брон;
5. Мирра Розенпорт, клан купцов, г. Юганск.

Задаваемый вопрос: касательно сообщения от господина астронома Аастра де Астра из г. Турска, наблюдавшего парад семи звезд и передавшего ряд цифр «5261347066791432».

У писца в конце лицо вытянулось так, что сильнее и невозможно – мало того, что делегация столь многочисленна, с ней еще и кастырь астрономов собственной персоной, да и вопрос, который они хотят задать, собственно и не вопрос даже, а в конце еще цифры какие-то. Ди Астрани потемнел лицом – шифр был тот самый, которого со страхом ждали все поколения кастырей астрономов. Писец зашел за полог, чтобы доложить о просителях, но через мгновение кубарем выкатился обратно. Присел от страха, зачастил заученно:

– Господ астрономов и их сопровождающих Примы просят пожаловать на пожалованную им аудиенцию.

Слова давно были заучены наизусть, но вот с такой интонацией сказаны были впервые. Очередь заволновалась, зашепталась вновь. Селена и Лентина переглянулись, взяли детей за руки, отправив вперед Вальда с Ди Астрани. Примам кровью начертано не выказывать эмоций ни при каких катаклизмах, но и у них в глазах мелькнуло радостное удивление, когда они увидели входящих. Дети астрономов были невероятной редкостью, как и женщины этого

клана, а тут – входят двое тех и двое этих. Девушки присели в изящном поклоне, потупили глаза, затаив дыхание. Ди Астрани заговорил первым, прервав затянувшееся молчание:

– Ваше Пресветлое Величество, позвольте представить вам моих кровниц и их сопровождение.

Прим согласно кивнул. После представления, глубоко вздохнув – перед долгой речью, начала Селена – страх выступления был ей неведом и голос не дрожал:

– Ваше Пресветлое Величество, история наша довольно длинна и печальна. И новости таковы, что несколько часов ожидания уже ничего не изменят. Поэтому, заботясь об очередниках, которые устроились со своими прошениями, осмелюсь предложить: перенести слушания остальных граждан Мира на завтра, либо принять их сегодня, а наш вопрос рассмотреть сегодня последним.

Примы переглянулись, мрачняя, потом заговорила Прима своим звучным, чистым голосом предложив выслушать присутствующих сейчас же, объявив остальным о переносе их приема на завтра. Вызванный писец объявил очереди об этом решении и те, пошептавшись и повозмущавшись, разошлись.

Селена, вновь набрав воздуха, начала свой рассказ с похищения женщин-кровниц клана, обвиняя вполне конкретного человека в организации и претворении в жизнь этого мерзкого плана. Потом поведала о похищении детей, о драконах, виновных в этом, о поездке в Турск и встрече с Аастром, передавшем те цифры, которые они записали в журнале. Ди Астрани вновь вздрогнул, услышав о цифрах, и побледнел, когда убедился в том, что шифр – тот самый. Рассказ длился долго, полдень успел потемнеть и смениться сумерками, дневные светила спрятались за горизонт, уступив место своим нарождающимся ночным собратьям. Дети, поначалу стоявшие рядом с девушками, устали стоять и, попятившись, уселись на маленький диванчик, стоявший неподалеку. Для всех детей страх или смущение перед сильными Мира сего неведом, а этим детям после злоключений, выпавших на их долю, и вовсе. Мирра даже успела задремать, убаюканная мерным голосом рассказчицы. Прим приказал принести вечернюю трапезу, что было незамедлительно выполнено. Ребятишек растормошили и накормили, потом Прим велел перевезти всю компанию в Пресветлый Дворец и охранять, как величайшую ценность. Ди Астрани, весь день просидевший вместе с гонцами, принесшими печальную весть, собрался уходить, чтобы отдать распоряжения по своему ведомству. Всё, что готовилось так долго, теперь спешило свершиться. Но Прим, остановивший кастыря, сообщил, что его присутствие необходимо и далее. От приглашений правителя не отказываются, и Ди Астрани вместе со всеми отправился во Дворец.

Только вышли из шатра – уже совсем стемнело, вокруг зажгли фонари, слышен был далекий шум толпы, празднующей появление наследника – как к начальнику охраны подлетел всадник на взмыленном коне. Вернулся из поездки Маршалл, за которым хотели посылать, чтобы все верховные кастыри присутствовали при оглашении печальных, хотя и давно ожидаемых новостей. На церемонии вместо Маршалла пришлось быть двойнику – чтобы не вносить излишнюю смуту в умы празднующих. Маршалл, не спешиваясь, пошептался о чем-то с начальником охраны. Кастырю весовщиков тоже было предложено проследовать вместе со всеми в зал совещаний. Взгляд Маршалла на кратчайшее мгновение остекленел – вот оно, началось, не зря нехорошее такое предчувствие посетило его сегодня. Кастырь окинул взглядом Лентину, Селену и детей, от этого взгляда у них заледенели руки и ноги. Гонцов отправили всем, кому положено присутствовать при событиях такой важности. Велено было также захватить с собой ключи, которые хранились у каждого кастыря.

К тому моменту, когда Прим и его спутники пожаловали во Дворец, в зале совещаний уже собрались почти все – кастыри кланов повитух, купцов, каменщиков. Маршалл и Ди Астрани прибыли вместе с ним. Не хватало лишь Магистра пастырей. Детей, прибывших с девушками-астрономами, хотели отправить спать, но Селена воспротивилась, сказав, что они при-

были вместе, и вместе же и уйдут, если кто-то и уснет, то пусть спит в креслах – они достаточно мягки для тех, кто был в плену у драконов и привык к мягкости каменного ложа. Услышавшие этот разговор кастыри зашептались – драконы, драконы... Шепоток скользнул, и затих. Кастырь повитух, узнав вошедшую Лентину, хотела подойти, но сдержалась, заметив, что та не подает виду о близком их знакомстве. Прим поднял глаза, оглядывая своих верных сподвижников, рука об руку с которыми он правил так много лет. В глазах правителя промелькнула усталость от этих, как теперь показалось, безоблачных лет несения службы, которые закончатся, конечно же, но ох, как не скоро – пока царенок вырастет до совершеннолетия и передачи ключей. А может быть, закончатся эти годы вот-вот уже совсем скоро, когда над Миром падет мрак. И что именно его правление будет омрачено гибелью, если только в живых останутся те, кто будет помнить об этом.

Ди Астрани не сводил глаз с кровниц, возникших из ниоткуда. Он слишком хорошо помнил страшное чувство безысходности, когда женская половина их клана бесследно пропала. А сейчас – вот они, в плоти и крови, прекрасные и живые, и юные, такие юные. Разместились в зале совещаний, дети уселись в глубокие мягкие кресла, чтобы вздремнуть, если в них не будет надобности, а пока вертели головенками, с любопытством разглядывая окружающую роскошь. Прим, сидящий во главе стола, рядом с незаметно присоединившейся Примой, открыл совещание.

– Дорогие друзья, я позволил себе созвать вас, несмотря на столь позднее время. Мы не можем даже ожидать отсутствующего по непонятной причине Магистра. Возможно, и я надеюсь на это, он присоединится к нам позднее. Для начала я хочу поздравить клан астрономов с появлением своих выживших и столь прекрасных дочерей. Вести, принесенные нам девушками из клана астрономов, страшны, хотя мы ожидали их всю историю Мира. Предначертанное начинает сбываться, и не нам сомневаться в этом. Все уже происходит сейчас и здесь, в нашем Мире. На Речном перекрестке, в Пещере Ветров обнаружено логово летающих ящеров, они же драконы, хроновы дети, о которых говорится в древнем проклятье. Предательство прокралось и в самое сердце каст. Исчезали бесследно дети. С границ Мира поступили достоверные сведения о параде семи звезд, который испокон веков был нам обещан, как предупреждение. Но, небесные праотцы не совсем отвернулись от Зории – вернулись, и вовремя вернулись дамы Селена и Лентина, которые поведают более полно о том, что я сейчас сообщил.

Девушки встали и склонились перед высоким собранием, грациозно и не теряя горделивой осанки. Если и были сомневающиеся в их происхождении – теперь сомнения пропали, хотя можно было просто посмотреть им в глаза, сияющие вечным пламенем крови клана. Слово было дано Селене, которая рассказала то, что знала. Ее рассказ дополнила Лентина. Настал черед детей. Матушка Фармакопея, которая успела лишь переглянуться с Лентиной, подозвала Марка, сына весовщиков. Маршалл де Балиа, сидевший все это время, не поднимая взгляда от полированной поверхности овального стола, напрягся и посмотрел на мальчика со странным выражением. Повитуха обняла мальчика:

– Уважаемое собрание! Этот мальчик, сын клана справедливых весовщиков, чье происхождение подтверждает его регистрация в свитках и три дееспособных астронома, имеет честь сообщить нам имена, – тут кастырь замешкалась, увидав открывающиеся двери. Вошел Магистр и его свита, закутанная в серые капюшоны, которые быстро рассредоточились по комнате. Глава клана пастырей начал что-то говорить, принося извинения за опоздание, случившееся не по его вине. И тут он словно споткнулся, почувствовав напряженную атмосферу в комнате. Оглядевшись, заметил присутствие посторонних на сверхсекретном Совете глав кланов. Одна из присутствующих казалась смутно знакомой. Вгляделся пристальнее, и словно его ударили под дых – время исчезло: любовь, желание, ненависть, тоска по несбывшемуся, опасение быть разоблаченным и ощущение того, что он опоздал – всколыхнулись в странном смещении в его сердце, и он замер. Замер от противоречивых чувств: счастья, что она все-таки жива

и ненависти, что она все-таки жива. Селена, заметив жадный взгляд своего смертельного врага, просто остолбенела от злорадной радости, что и он до сих пор жив, она своими собственными руками сможет покарать его за все то, что он совершил. Несколько коротких секунд длился этот безмолвный поединок взглядов, который никем не был замечен, или почти никем – Примы и Ди Астрани почувствовали, что и без того сгустившаяся атмосфера в зале стала еще более напряженной. Воздух словно стал тягучим. Потом взгляды расцепились, и Селена опустила глаза, опасаясь за своих спутников. Мать Оливия вновь начала:

– Теперь, когда все, кто несет ответственность за спокойное существование Мира, в сборе, я хотела бы продолжить. Этим детям есть, что рассказать, я не слышала рассказа полностью, но знаю, что имена драконов известны этим маленьким и таким отважным странникам. Все мы знаем, что весовщики не могут лгать, поэтому я прошу этого мальчика назвать эти имена и описать тех, с кем им суждено было столкнуться.

Марк выпрямился во весь свой росточек, щеки запылали румянцем, но говорил твердо, лишь голос иногда дрожал и немного срывался от волнения:

– Я Марк де Балиа, сын клана справедливых весовщиков, торжественно клянусь в правдивости рассказа моего и моих спутников. Я и еще вот Кир, Вальд, Эйб и Мирра – мы остались в живых, а еще много ребят погибло – сожрали эти драконы. Мы спаслись благодаря Киру и Вальду, которые придумали, как сбежать из Пещеры Ветров, и потому что встретили Селену и Лентину, они искали своих сыновей. Драконов было сначала пять, а иногда прилетали еще два. А самый страшный был тот дядька – он без кожи, черная борода, глаза, в которых горит костер, и волосы, которые тоже горят. Драконы все были разные. Одна из них, ее звали Тайамант, была самой страшной и подлой, она всегда орала на нас. Эта Тайамант иногда выходила, как тетя, – тут мальчик замялся, – Только она была голая. Совсем голая. Когда она становилась драконом, она была будто бы из блестящего металла какого, на голове три рога, растущие назад, чешуи большущие, некоторые с меня ростом даже. Еще был Вальтер – он самый смешной, очень толстый, мы всегда удивлялись, как он летать может. Он жрал все время всякую гадость – все, что попадалось – лягушек всяких, ящериц, змей, тараканов. У него рога тоненькие, больше на брови похожие и пасть противная – она огромная и кажется, что у него зубы растут по всему рту, а сам будто бы из ключев тумана сделан, только туман темный и густой. Был еще Архобал – зеленый такой, у него под шеей такие штуки растут, как у рыб плавники, только они, наверное, твердые, на голове один рог большой, а остальные – маленькие, их много-много, и на спине растут, борода из каких-то зеленых противных штук растет, и гребень такой широкий на спине и по хвосту. Он самый трусливый и все время ноет. Я его лучше всех рассмотрел, потому что мне на нем лететь пришлось, когда мы в Пещеру Ветров перебирались. А, еще были Морган, он грустный – у него шерсть серая на голове и спине растет, сверху на голове череп с тремя рогами такими, вот как у коз бывают, назад загнутые. И был Айс – этот все высматривал, ходил, разглядывал – у него тоже шерсть росла, а рога, целых пять штук, вперед торчат, а сам он такой странный, будто бы из куска льда сделан. Иногда я его кишки видел, он просвечивал, от него веяло холодом – всегда, даже когда он был зол, и выдыхал он холод – замораживал все, что ему попадалось. А со страшным господином, Эйб сказал, что его Хрон зовут, прилетали еще двое. Один был похож на огромную летучую мышь – у него на голове были как бы уши, они с рогами срослись, а рогов пять, он такой весь черный. Второй, который прилетал, он был красный, как огонь – у него клыки или рога маленькие росли и вокруг глаз, и под челюстями, а четыре рога больших, почти прямых, торчали назад. Этих мы не знали, какие они. Но я слышал, как их звали – одного – Киар, другого – Фрам.

Мальчик протараторил свои сведения со всей детской непосредственностью его возраста и с такими подробностями, которые свидетельствовали, каким он станет впоследствии весовщиком. Как только он произнес имена последних драконов, поднялся гвалт и крик – Магистр и Маршалл, в два голоса вскричали, что словам этого мальчишки и его спутников нет никакой

веры, откуда они взялись, зачем переполох поднимают, надо бы их всех в Тайную канцелярию на дознание. Прим молча смотрел на тех, кто клялся защищать жизни и умы мирян, и глаза его закрыл зеркальный блеск, который не позволял никому, кроме Примы, проникнуть в его мысли. Правители стояли, печальные и молчаливые.

Стихли крики Маршалла и Магистра, обвиняющие и гневные. Кастыри и гости на Совете во все глаза смотрели на Маршалла и Магистра. Превращение началось – оно было быстрым, поэтому еще более болезненным – быстро увеличивающийся скелет сдавливал и растягивал плоть, изменяющиеся кости черепа взрывали мозг. Зал заседаний был огромен – в нем проходили приемы послов из Диких земель, которые являлись к правителям Мира со всей возможной пышностью, поэтому даже появившиеся драконы не смогли навредить замку – но заняли большую часть зала. Кастыри молчали, оглушенные произошедшим. Все случилось так быстро, что никто не успел и пикнуть. Вот только что стояли тут уважаемые граждане Мира, великие воины и правители кланов, а вот уже расправляют крылья монстрообразные ящеры, которые так похожи на тех, которых только что описывал маленький весовщик. Ящеры были велики и ужасны, от них исходил смрад – завоняло тухлой рыбой и затхлыми темными комнатами, ужасом ночных кошмаров, заплесневевшим хлебом, прокисшим вином, несбывшимися надеждами и отхожим местом. Оборотни озирались вокруг, злобно поводя глазищами. И вот, наконец, они увидели свою цель – беглецов, которые выдали их тайну и их мамаш, что встали перед испуганными детьми, стараясь прикрыть их собой. Черный Киар, выбрав своей жертвой Селену, неловко подскочил к ней — для полета места было все-таки маловато – процарапав в каменных плитах пола глубокие трещины, и рыкнул на нее, выпустив струю пламени, которое подожгло все, что могло гореть и попало на линию огня. В момент, когда воспламенился диван, дети успели одним прыжком соскочить с него и спрятаться за колонной, куда их увлекла Лентина. Селена же, не успев ничего предпринять, осталась там, где стояла. Никто не успел ничего сделать – слишком быстро все происходило. Совет, Примы и охрана остолбенели от горя и предчувствия непоправимости. Но рассеялся дым, улетучившись через дымоход камина, притухло пламя, которому нечего было более пожирать, и по залу пронесся вздох изумления. В зале запахло гарью, раскаленным металлом, стало невыносимо душно. Драконы, стуча когтями, подступали к людям все ближе. Фрам пошел к колонне, за которой прятались дети. Киар отправился к Селене, которая стояла рядом с тлеющим диванчиком, жива и невредима. Из ниоткуда раздался раскат грома, загрохотал смех, и послышался низкий голос, произнесший:

– Киар, Фрам, не перестарайтесь! Не время еще и не в ваших силах совладать с Селеной-воительницей! Я не отдавал приказа убить пленников, которых вам оставил! Если вы их упустили, то они заслужили это! Возвращайтесь ко мне, дети мои. Там вам не рады!

Драконы поднялись в воздух с ужасающим рыком, как только смогли расправить крылья, с которых еще сочилась кровь и гнойная слизь. Взмыли вверх и, пробив стеклянную крышу, расписанную великими мастерами так искусно, что днем она казалась похожей на ночной небосвод, а ночью светилась дневным светом, исчезли в темной вышине, став невидимыми. Осколки, упавшие вниз, вонзились в столешницу со страшной силой, подрагивая от чрезмерной силы, переполнявшей их. Дети, спрятавшиеся за колонной, дружно вздрогнули, увидав зазубренные острия.

Прим заговорил первым, помолчав некоторое время, чтобы присутствующие пришли в себя от шока. Вызвал для начала охрану, велел прибрать в зале. С помощью слуг перевел присутствующих в другое помещение. Здесь хранились дубликаты ключей кастырей. Даже находясь здесь, никто не смог бы найти ключи. Само пребывание в этой небольшой прямоугольной зале, стены которой были обшиты драгоценными панелями из редких пород деревьев, стол богато инкрустирован – придавая сходство со шкатулкой для драгоценностей – стало неожиданностью для всех, приятной неожиданностью, после пережитого. В этой комнате отступали

печали, стихало горе, и успокаивались сердца. Селену обступили дети, недоверчиво и осторожно касаясь ее, выжившую в драконьем пламени. Лентина, подошла к кровнице, сузила глаза:

– Это точно ты? Где мы с тобой встретились?

– Лентина, мы встретились возле замка Мааров, когда пришли за нашими мальчиками.

Лентина облегченно вздохнула. Теперь уже зашумели все, переживая случившееся. Принесенные напитки взбодрили, укрепили дух кастырей и их гостей. Совещание продолжалось, слишком многое стояло на кону, чтобы откладывать обсуждение. Прим, печально усмехнувшись, спросил, нет ли еще каких сюрпризов у кастырей. Ответом была тишина. Прим продолжал:

– Отчего случилось превращение?

Ди Астрани приподнялся:

– Я предполагаю, что мальчик назвал тайные имена, которые и заставили принять монстров их настоящий облик.

– Возможно, вы правы. Чем нас еще удивят наши гости? Какие тайны вы принесли нам?

Теперь поднялся Вальд, подталкиваемый своей матерью:

– Ваши Пресветлые величества! Уважаемые господа кастыри! Я, Торнвальд Виктор де Аастр, по крови матери, которую лишь единственную я признаю своей родительницей, рожденный астрономом, совершил такой поступок. Я не знаю, правильно ли я поступил, и прошу рассудить меня. Мать всегда учила меня, что брать чужое нехорошо. Но вот драконы – они нас тоже без спроса забирали, и никто из тех, кого они съели, не разрешал им себя жевать. Поэтому я позволил себе забрать у этих ящериц вот это.

И с этими словами вывалил на стол шесть ключей, отливающих пламенем полуденных светил. Ключи казались одинаковыми, но лишь с первого взгляда – кастыри узнали всякий свой ключ. Вторично онемело высокое собрание. Прим подошел к мальчику и обнял его. Вальд посмотрел на мать, едва сдерживая довольную ухмылку. Селена стояла и не знала – то ли отлупить свое шкодливое чадо, то ли расцеловать. Слово взяла мать Оливия:

– Я не знаю, что мне и сказать. Я ожидала, что придут две зрелые девы-воительницы. А увидела юных и мудрых, которые привели к нам целое храброе войско, в котором каждый воин – избранный. Госпожа Лентина знает, что это за ключи и почему они так важны, и знает, к чему подходит каждый из этих ключей. Веками передавались эти металлические предметы от поколения кастырей к поколению, уже и забылось их истинное предназначение. Но она знала, до поры сама того не ведая, об их предназначении, и мы, повитухи, хранящие все переданные секреты. С появлением этих храбрых девушек и ребятишек у нас появляется надежда на то, что мы все-таки сможем выпутаться живыми из истории с древним проклятием. Госпожа Лентина – живая схема того, как мы можем спасти Мир, и теперь у нас есть дети и ключи. Ее память хранит то, что мы должны извлечь. И медлить долго – себе же хуже.

Ливейро Стоун, нынешний кастырь каменщиков, поинтересовался:

– А как же кланы пастырей и весовщиков, которые теперь остались без кастырей?

А Януар Голдман, представляющий интересы купцов, спросил:

– Ключей же должно быть семь? Седьмой ключ отсутствует? И мой ключ – ключ купцов, лежит у меня в потаенном, надежном месте. Откуда тогда эти?

Всем ответил Прим:

– Час уже поздний и наше юное воинство, хоть и очень храброе, очень устало с дороги после всех подвигов. Поэтому предлагают вынести такие решения:

1. Мать Оливия, Ди Астрани и г-жа Лентина удаляются для извлечения информации;
2. Селена и дети переходят под попечение Примы и отправляются отдыхать;

3. Господин Голдман занимается подбором кандидатур кастырей на освободившиеся должности в связи со своей необычайной осведомленностью и умением вести переговоры. Списки кандидатов должны быть готовы к утру;

4. Юным героям и их прекрасным спутницам открыт неограниченный кредит из государственной казны.

И по поводу ключей. Ключи похищены из этой самой комнаты, в которой мы сейчас находимся, похищены из-под замка, который должен был отпереть тот самый шифр, что доставлен нам из Турска. Седьмой ключ – это ключ Примов, который я храню отдельно, оба экземпляра. Поэтому бывшим Маршаллу и Магистру не удалось их похитить. И их ключи каст, скорее всего, находятся там, где они проживали. Необходимо найти их и вернуть сюда. Вопросы?

Вопросов не было. Все засобирались по назначенным заданиям. Но Прим вновь удивил собрание. Первому сыну бога не к лицу прикасаться к обычным людям, даже если они являются потомками небожителей. Прим подошел к Селене, низко склонился и поцеловал ей руку, потом церемония повторилась с Лентиной. Глаза Примы вспыхнули и увлажнились от нахлынувших чувств. Ребятишек Прим просто сгреб всех и обнял. Прима была сердцем – сосредоточием всех эмоций и чувств Мира, Прим – его головой, мозгом и логикой. Но в этот момент казалось, что они поменялись. Пресветлый был счастлив, обнимая ошалевших от происходящего детей. Потом, величественно кивнув присутствующим, покинул комнату. Прима, загадочно улыбаясь, отправилась следом, сопровождаемая порученными ей гостями.

Все, кому было что-то поручено, разошлись исполнять. Остальные отправились отдыхать. Селена, кивнув Лентине, вела сонного Кира за Примой, которая показывала им путь. В Зале заседаний уборку почти закончили, даже стеклянную крышу восстановили подроспевшие каменщики, нужно лишь потом заново расписать ее. Замок затихал, готовясь использовать оставшиеся ночные часы для сна.

Глава 3. В Блангорре

Кастырь купеческого клана, Януар Голдман, был ярчайшим представителем своей крови. Коренастый, невысокий, всегда сутулящийся, шапка волос цвета соли с перцем, навечно скрутившихся в мелкие кудри, мясистый нос, полноватые губы, всегда улыбающиеся собеседнику. Известен своей неподкупной честностью, вернейшим глазомером – навскидку знал, сколько и какого качества товар лежит перед ним, с ходу мог определить и цену. Януар никогда не мечтал быть доверенным лицом своего клана и представлять его интересы в правительстве, с детства бредил путешествиями в далекие миры и установлением дружеских контактов с иноземцами. Но, человек предполагает... За кристальную честность и мастерство кровники избрали его верховным кастырем. О чем клан купцов никогда не сожалел.

Этой темной ночью г-н Голдман добрался до своей резиденции в глубокой задумчивости. В безотказной памяти крутились имена, звания, проступки – вспоминаемые кандидатуры тщательно рассматривались со всех сторон. К тому моменту, когда купец переступил порог, в уме уже выстроился список тех, кто может стать верховными кастырями для своих кровников. Каста купцов не гналась за внешним лоском и поэтому не строила Дворцов Торга. Главы каст жили и управляли в обычных Торговых домах, в которых днем шла бойкая торговля. Кастырь общался с желающими попасть к нему на прием в небольшом, хотя и украшенном всяческими редкостями, кабинете, что располагался на самом верхнем этаже. На входе стояли два дюжих охранника, которые препятствовали вход нежелательным лицам. За всю историю Мира на купцов не было покушений, по крайней мере, до недавнего времени – они могли договориться, наверное, даже с Хроном, но бывали назойливые господа, от которых лучше отгородиться. После окончания дневной торговли, Торговый дом превращался в жилье для кастыря, и другие двое амбалов охраняли его раздумья и сон.

Голдман прошел в свои покои, приготовил большую кружку кафэо покрепче – предстояло работать остаток ночи, чтобы взвесить все кандидатуры и написать всем избранным приглашения проследовать в Блангорру – а поутру отправить приготовленное Приму. Да, еще может понадобится его присутствие на Совете кастырей – неизвестно, какие сведения добудет неутомимая повитуха. Взбодрившись, Януар, взял кипу чистых листов и на каждого кандидата составил преподробнейшую характеристику. Пальцы, привыкшие к письму за долгие годы переписки с иноземцами, проворно управлялись с пером – без ошибок, помарок и исправлений. Купец всегда писал сразу набело – экономя дорогую, даже по купеческим меркам, бумагу, экономя свое время и просто уже по привычке.

Список получился внушительный, пересортировал еще на раз и решил, что после теперь может предоставить троих кандидатов на пост Маршалла и двоих – Магистра. Итак, в кастыри весовщиков претендовали: от южан – Северн де Балиа, с Севера – Димир де Балиа, на Западе – Мург де Балиа. Все трое – истинные весовщики – спокойные, неподкупные следопыты, соответствующие каждой букве Кодекса Веса, с их потрясающим чутьем, обонянием, слухом и зрением. И определить самого достойного можно будет тогда, когда они доберутся до столицы. На пост Магистра кандидатов было меньше – пастыри редко принимали участие в торговых сделках и жили своей тайной жизнью, редко вступая в близкие отношения с мирянами, будь то кровники других кланов или свободнорожденные, поэтому информации было мало. Двоих подходящих на высокий пост купец все же вспомнил. Первый – отец Юлиан Благовест из города Юстига, что на берегу Великого Брона; второй – отец Георг Стилом с берегов Большого океана из цветущего города Зордань. Всем выбранным купец написал на своей именной бумаге приглашения пожаловать в Пресветлый дворец не позднее, чем через три дня после получения письма, по прошествии же оных дней – могут не беспокоиться. Купцы, исколесившие весь Мир, знали, сколько времени требуется на дорогу из того или иного пункта.

Ночной полумрак медленно становился не таким густым и плотным, предвещая скорое наступление рассвета. Купец сложил приготовленные для отправки бумаги в специальное отделение для почты, чтобы пришедшие вскоре собратья немедленно переслали их адресатам. Для Прима был составлен подробнейший доклад, в котором описывались кандидаты, и умозаключения, которые привели его к такому выбору. Идти в спальню было уже поздно, кафэо действовать перестало, поэтому уставший донельзя купец примостился тут же в кабинете на диванчике и моментально уснул, не раздеваясь. Его не разбудил гул голосов, доносящийся снизу из торговых рядов, он крепко спал, и снились ему всякие сумбурности, не связанные друг с другом – лишь пугающий свет – багрово-черный сводил с ума, заставляя беспокойно метаться, обливаясь потом, в желании проснуться. И, когда его первый посетитель постучал в двери, г-н Януар с вздохом облегчения открыл глаза. Посетителем оказался курьер от Пресветлого, явившийся за бумагами. Кастырь купцов извинился, ненадолго зашел в личную комнатку, находящуюся за неприметной дверцей – там была кухня, небольшая ванная и туалет. Привел себя в более-менее приличный вид, вышел, вновь извинился за ожидание, вручил требуемое и распрощался с курьером. После этого поставленную задачу можно было считать выполненной и заняться своими неотложными делами. Купец потянулся, с удовольствием слушая, как захрустели, расправляясь, усталые руки-ноги и решил позволить себе немного личного времени. Выглянул за дверь, попросил принести завтрак через минут сорок, а до того времени никого не пускать, перенести приемное время на часок позднее.

Остаток ночи был более чем напряженным и для троицы, отправившейся в Храм повитух, чтобы добыть сведения, скрытые в голове Лентины. Прибыв в храм, мать Оливия распорядилась прислать чертежника, писца, приготовить кафэо и не тревожить до особых распоряжений. Запершись в ее личном крыле – повитухи не имели личных жилищ, обеспечивались покоем в храмах, в которых трудились – очень удобно, всегда можно быстро прибыть на работу. Семьи их селились с ними – обязательное условие брачного контракта повитух – не покидать храмового жилья. Выходили замуж в основном за свободнокровных – их кровь лишь усиливала мастерство и кастовые навыки. Мать Оливия пережила своего супруга, и Вита не послала ей детей, благословив заботиться обо всех мирянах. Повитуха без единой жалобы приняла такую жизнь. И назначение ее верховным кастырем было закономерным – она выходила всех рожениц, что попадали к ней, родившиеся младенцы выживали и вырастали крепкими и сильными, а те, кто умирал на ее руках от неизлечимых болезней или старости, благословляли ее и уходили с умиротворенной улыбкой на устах, победив боль. Казалось, что одно лишь ее присутствие отгоняет Безумие и Боль, посланниц Хрона. У матушки Оливии были потрясающие руки – она могла, лишь прикоснувшись к больному, обнаружить больной орган без всяких анализов, пол ребенка определяла, едва взглянув на раздувшийся живот. Операции она обычно делала с повязкой на глазах. Принимая ключ касты, она отчетливо проговорила слова клятвы: «Клянусь матерью Витой исполнять честно свои обязанности, воздерживаясь от причинения страждущим всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла. В какой бы дом я ни вошла, я войду туда для пользы больного, будучи далека от всякого намеренного, несправедливого и пагубного. Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидела или ни услышала касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Клянусь проявлять высочайшее уважение к жизни человека, быть милосердной и не причинять своими действиями вреда – как умышленного, так и непредумышленного».# (Примечание: основано на клятве Гиппократ). Кроме всего вышеперечисленного, мать Оливия обладала еще и очень развитыми навыками, позволяющими вводить человека в глубокий сон, в котором он не чувствовал боли, и мог вспомнить или забыть то, что ему было сказано когда-то.

Ди Астрани должен был следить за состоянием девушки в процессе выполнения процедуры. Повитуха села неподалеку на стул со спинкой – она была уже немолода и, спасая жизни других, частенько забывала позаботиться о себе. Прикрыла рукой утомленные за долгий день глаза, потом заговорила:

– Я слышала о твоём пути – через что вам пришлось пройти, это просто невыносимо. Теперь все вы, вернувшиеся, знаете, на что способны. Лентина, доченька, ты снова должна мне довериться. Ложись, расслабься и выполняй мои указания как можно точнее.

Девушка подчинилась без расспросов – Аастр, помнится, тоже говорил, что ее вновь подвергнут процедуре извлечения того, что было заложено. Голос Аастра слышался так ясно и отчетливо – словно он тоже был здесь, хотя вся поездка в Турск и та тоска, которая сопутствовала ей, уже начали изглаживаться из памяти, затмеваемые безмерной радостью обретения пропавших детей. Мать Оливия продолжила:

– Закрой глаза. Руки положи вдоль тела, ладонями вверх. Представь, что твое сознание перемещается в твои ноги. Ноги покрывает одеяло – красное одеяло из Прогаи, легкое, теплое и пушистое. Одеяло давит тебе на ноги, и ты не можешь их поднять. Я буду считать до семи и когда закончу, ты уснешь и сможешь ответить на те вопросы, которые я буду задавать. Один, два, три...

На «трех» Лентина отключилась и не слышала далее ничего, уснув так крепко, как уже давно не спала – с детства, наверное. Мать Оливия начала говорить:

– Давай вернемся в то время, когда ты жила с родителями, и каждый день был наполнен открытиями. Твоя мать еще жива. Я и она стоим рядом. Мы зовем тебя в дом, ты бежишь к нам из сада. Твои волосы заплетены в смешные косички, на бегу они легонько ударяют тебя по плечам, солнечный свет слепит твои глаза и тебе приходится щуриться, чтобы увидеть нас отчетливо. Тыходишь к дому – пахнет свежим хлебом, озером. Ты собирала персики и несешь корзинку с плодами в руках. Ты отдаешь корзинку матери, и мы с тобой идем в дом.

Лентина лежала, не шелохнувшись, как ей было приказано, но щеки были мокры от льющих безостановочно слез – такие воспоминания хранятся в самых глубинах памяти, как редкая драгоценность. Они достаются из этих глубин изредка, когда никто не может подсмотреть, как усилиями памяти ты воскрешаешь тех, кто любил тебя, и кого любила ты. Вспоминая те светлые времена, когда все, казалось, будет прекрасно, когда ты думаешь, что это счастье будет продолжаться вечно – и запах свежего хлеба, и прикосновение бархатистых персиков, и ласковые руки тех, кого уже не вернешь никогда...

Впрочем, понимая причину слез, мать Оливия даже не пыталась остановить их, процедуре они не мешали, а девушке лишь на пользу пойдет встретиться с дорогими ее сердцу воспоминаниями перед непосильной работой, которая ей еще предстоит. А пока лились слезы, Лентина заговорила, спокойно диктуя то, что ей вложили в память в далекой-далекой безоблачной юности. Она рассказала со всеми подробностями о потайных спусках, которые приводят ищущих и знающих к семи башням Мира, сооруженных для борьбы с давно ожидаемой катастрофой. Предки мирян, чья кровь носила божественные печати, не сидели, сложа руки, заранее зная, что им предстоит пережить. Каждый клан вложил душу и сердце в эту борьбу. Каменщики построили башни, купцы дали денег, пастыри вдохновляли в трудные годы, когда руки просто опускались. Повитухи приветствовали рождающихся и лечили страждущих, помогая уходить без боли умирающим, весовщики охраняли покой разумов, астрономы стали сторожевыми псами времени и звезд, и в силу своих способностей, хранителями точного времени. Прим, несущий божественные знания из самой глубины веков, хранил ключи. Ключи к механизмам обороны – придуманные повитухами, переходили от одного к другому самому яркому представителю касты, который становился предводителем – верховным кастырем своих кровников. У Прима хранились лишь дубликаты ключей. При замене верховного кастыря вступающий в права кандидат привозил ключ для подтверждения смены и проверки идентичности,

присягал на верность и посвящался в кастыри, так и не узнав, зачем служит этот ключ – символ, и не более того. Да и зачем лишний раз приносить кому-то лишние печали от знаний, которые то ли пригодятся, то ли нет.

Странное и страшное это было зрелище – Лентина с остановившимися глазами, невидяще уставившись на пламя светильника, с мокрым от пролитых слез лицом, сосредоточенно чертила планы потайных ходов, схемы секретного оружия, порядок его запуска и применения, ни разу не проведя неверной линии, не ошибаясь ни в едином знаке. Ее недавняя попытка изобразить то же самое в Турске пошла на пользу, схемы стали более подробными, линии – уверенными и точными. Накопился уже целый ворох бумаг, которые громоздились на столе, лежали под ним, а девушка рисовала, чертила и писала без остановки. И вот последняя буква описания была запечатлена, и она упала бы без сил на ворсистый серый ковер, если бы Ди Астрани не успел ее подхватить. Он всю ночь просидел настороже, следя, чтобы одной из его новоявленных любимиц не нанесли вреда – самого малейшего даже в этом благословенном приюте. Мать Оливия, глядя на него, усмехнулась, с нежностью глядя на кастыря астрономов:

– Из тебя получился бы замечательный отец. Жаль, что не пришлось. А сейчас – положи ее на лежанку, мне нужно закончить процедуру.

Кастырь отошел, и повитуха подошла к девушке, взяла ее руку, легонько сжала прохладные пальцы, перемазанные чернилами:

– Сейчас я досчитаю до семи, и ты проснешься, исполненная сил, отдохнувшая. Образы, дорогие твоему сердцу, останутся живыми перед твоим внутренним оком, а горечь уйдет. Ты все совершила правильно. Раз, два, три...

Повитуха досчитала до семи – но девушка никак не прореагировала. Мать Оливия настоялась – такое случалось, но очень редко. Что-то или кто-то пытался вмешаться в процедуру – с хорошей или плохой целью – неважно, потому что любое вмешательство могло оказать непоправимый вред тому, кто находился в стране снов. Мать Оливия велела Ди Астрани держать девушку за руки как можно крепче, чтобы она не причинила себе вреда. Началась процедура возвращения сознания, которая иногда могла приводить к странным последствиям – возвращенные не помнили себя, иногда теряли способность разговаривать, некоторые становились буйными и неконтролируемыми и при любом удобном случае стремились размозжить голову – много странностей происходило в таких случаях. Говорили, что их души похищал Хрон. Мать Оливия достала из шкафчика, закрытого на несколько замков, жидкость в темном пузырьке, смочила тампон – по комнате распространился жгуче-терпкий аромат, смутно напоминающий о цветущих горных лугах. Смочила виски, протерла девушке руки от плеч и до кончиков пальцев, склонилась низко-низко над гладким лбом и забормотала какие-то свои мольбы-просьбы – быстро-быстро и невнятно. Потом снова начала отсчет: один, два, три. На трех время словно остановилось – неподалеку роженица, кричавшая с самого начала процедуры, снова начала свои рыдания, и крик ее замер на одном звуке; капли воды, скапывающие с мокрого полотенца, брошенного у изголовья кровати, замедлились и остановились, остановившись в воздухе. Над девушкой затемнели багрово-черные тени.

Спящая Лентина видела себя бегущей по приозерным лугам, среди остро благоухающего разнотравья. Надвигающиеся тучи не пугали – сезон дождей еще не начался, так что, если и польет, то ненадолго. Девочка добежала до огромного дерева, росшего возле самой воды. Присела у его корней, начав сооружать сокровищницу – это была одна из ее любимых игр – выкопать в укромном месте ямку, сложить туда красивые камешки, лепестки, мелкие стёклышки – все, что имело ценность и особую красоту в глазах ребенка; потом это накрывалось стекляшкой побольше, желательно цветной. Старательно закапывалось и, через несколько дней можно было раскопать аккуратное окошечко и рассматривать свои сокровища, которые теперь становились совершенно другими: таинственными, приобретающими вид настоящих ценностей, зарытых давно для сохранности от злыдней. Злыдней тогда Лентина видела очень

мало за свою коротенькую счастливую жизнь, но слышала о них предостаточно, когда помогала на кухне, где любили посудачить о всяких таких нехорошествах...

Потом Лентина начала падать в темную бездну. Ей лет пять, она умудрилась свалиться со старой яблони в колодец, который был старше растущих в саду деревьев, края обваливались, а садовник забыл закрыть крышку. Воды в колодце уже почти не было, туда, во влажную темноту, пахнущую мхом и плесенью, сбрасывались ветки, сорная трава, камни. Срезанные ветки и спасли Лентину – они спружили и не позволили ей со всего маху удариться о камни на дне. Падая, она кричала, что есть мочи – звонко, почти срываясь на визг от ужаса. На эти вопли сбежались все, кто тогда был рядом. Перепуганный отец спустился с крыши в неурочный час, прервав дневные наблюдения, что ранее не случалось никогда...

Падение в темноту остановилось, она увидела себя сидящей – той же маленькой пятилетней девочкой, которая зарывала свои сокровища на берегу озера и однажды упала в колодец, но видя себя словно со стороны, зная, что она – взрослая женщина. Она сидела на пушистом облаке и болтала ногами, не опасаясь сорваться вниз, и не боясь рядом сидящего – темнобородого, с лицом и телом трупа, который был обожжен, а потом утоплен – такого странного цвета была у него кожа. Она нисколько его не боялась, с детской непосредственностью задавала множество вопросов, которые только успевали приходиться на ум, и срывались тут же с языка:

– Куда деваются дохлые жуки? А откуда берется рыба? И ветер когда перестает дуть, куда пропадают качания деревьев? А кто ты такой? Кто такие драконы? Почему ты молчишь? Мои сокровища, которые я зарыла под деревом, их потом найдут?..

Темный человек молчал и лишь покачивал всклокоченной головой. Так продолжалось вечно – вопросы не иссякали, но и ответов не было, а от этого любопытство лишь набирало силу. Вопросы становились совсем нелогичными, гримаса легкого недоумения на полуразжившемся лице сменилась негодованием, потом с раздраженным воплем: «Нет, ну я не могу так работать!», темный человек сорвался с облака и пропал в тумане. Облако и туман перестали быть белыми и начали темнеть в грозном свете, исходящем от одной-единственной темной тучи, которая постепенно заполняла все пространство сна. Лентина вскрикнула и вновь начала падать, но теперь было страшнее, чем тогда, в детстве – скорость падения была поистине ужасающей и приближающаяся равнина означала неминуемую смерть. Сковывающий страх заставлял цепенеть, не пытаясь спастись. Сквозь муть и туман, проносящиеся мимо, она услышала слабый голос: «Три, четыре, пять, шесть, семь – просыпайся. Ты можешь вернуться, тут тебя ждут, ждут друзья, которые помогут. Возвращайся...». Голос, сначала слышавшийся едва-едва, теперь грохотал, перекрывая вой разыгравшегося урагана, заполняя пространство. Лентина вдохнула последний раз воздух своего ускользающего детства и проснулась. Сначала попыталась резко сесть, но обнаружила, что ее руки крепко стиснуты кем-то. Начала отбиваться от этих оков, очнулась уже окончательно. Мокрые ресницы затрепетали, и она открыла глаза. Увидела Ди Астрани, бледного до серости, мать Оливию, у которой от усталости подрагивали руки. Выдохнула и села:

– Получилось? Я сделала, то, что должна была?

Повитуха прижала дрожащие руки к покрасневшим глазам, пытаясь скрыть поток слез:

– Девочка моя, мы тебя едва не потеряли. Прости, прости меня. Тогда, давно, я, наверное, ошиблась, посчитав тебя достаточно сильной для этого бремени, – повитуха прижала ничего не понимающую девушку к себе. Лентина начала вырываться, оскорбленная недоверием:

– Ха! Почему это я недостаточно сильная? Что ты, запертая среди своих больных-роже-ниц-младенцев и лекарств, знаешь о моей силе? Я смогла выжить там, куда вы меня отправили, я смогла выжить после того, как родила не совсем обычного ребенка, которого твои сестры посчитали клумбой, которая сможет лишь есть, спать и испражняться, я смогла выжить после того, как узнала истинное лицо того, за кого вышла замуж. В конце концов, я еще маленькой девчушкой смогла выжить там, где никто не смог! И в этом сне – он не мой сон, он навеян

твоим мастерством, я смогла заставить уйти того, кого ты боишься так, что не всегда можешь даже назвать его имя!

Капли воды, наконец, упали на пол, растекались, собираясь в небольшую лужицу. Роже-ница, кричавшая за стеной, благополучно разрешилась от бремени, и ее вопли сменил писк новорожденного.

Лентина огляделась по сторонам, не узнавая место, где находилась, потом быстро-быстро заморгала. Спустила ноги с кушетки, исподлюбья поглядывая то на повитуху, то на астронома:

– Простите меня, я не хотела говорить всего этого, – начала вставать и упала на пол, потеряв сознание, чудом избежав удара головой о край кушетки.

Кастыри вскочили, одновременно приблизившись к упавшей девушке. Она была без сознания, дышала часто-часто и сомкнутые веки трепетали, силясь открыться. Вроде бы придя в себя, Лентина открыла глаза, Ди Астрани облегченно вздохнул, но, всмотревшись в побледневшее лицо девушки, отпрянул. На него и сквозь него смотрели пустые глаза, полные багрового пламени, из странно раздувшегося горла раздался хриплый мерзкий смех, и тихое пение на каком-то неизвестном языке... Повитуха взяла Лентину за локоть и начала ей что-то шептать на ухо, невзирая на то, что та с недюжинной силой пыталась вырваться. Мать Оливия взглядом попросила астронома о помощи – вдвоем смогли удержать тело, выгибающееся в немыслимую дугу. Повитуха зачастила, зашептала – песня Виты, праматери повитух, могла помочь, а могла и погубить. Песнь эту исполняли только посвященные, и только в случаях, когда другой надежды на спасение не оставалось. Мать Оливия, закончив молитву, едва дышала от усталости – слишком много сил уходило на мольбы о помощи. С каждым взмахом отворачивающего жеста повитухи Лентина вздрагивала, выпрямляясь и начиная дышать спокойнее. Повитуха вновь начала отсчет, прищелкивая пальцами. На счете «три» Лентина открыла глаза, огляделась и зашлась в безудержных рыданиях:

– Что это, что со мной было?

– Поплачь, деточка, поплачь, лишняя водица в глазах твоих ни к чему ныне. Вылей ею, потому как силы понадобятся тебе и стойкость. Слез твоих потом никто не должен видеть, – повитуха ласково гладила растрепавшиеся волосы девушки.

Мать Оливия отперла дверь и велела принести завтрак, отпустила всех непосвященных, кто присутствовал при процедуре. Втроем торопливо прожевали принесенную пищу, запивая дымящимся кафео. Потом начали собирать исписанные листы, стараясь складывать их в нужном порядке. Под столом лежало несколько свернувшихся в трубочку чертежей, Лентина решила залезть и забрать их оттуда, не видя, что с другой стороны за ними уже пробирается мать Оливия. В полумраке, под накрытым темной скатертью столом, со всего размаху стукнулись лбами так, что обоим показалось – стало гораздо светлее от посыпавшихся из глаз искр. Одновременно сели на пол рядом, потирая полученные шишки. Взглянули друг на друга, натянутость и холодок после случившегося, сковавшие их обоюдную приязнь, начали таять – они рассмеялись во все горло, несмотря на то, что устали, что были на краю гибели – весь Мир был рядом, на краю. Смех очищал и заставлял взбодриться, найти какие-то силы, встать и идти. Ди Астрани, аккуратно сворачивающий чертежи и перевязывающий их лентой, остановился на некоторое время, потом понимающе улыбнулся и продолжил – бумаг оставалось еще немало. Отсмеялись, работа стала спориться быстрее, с их помощью все написанное и нарисованное за ночь было быстро упаковано. Ди Астрани предложил матери Оливии остаться и отдохнуть, сказав, что если в ней будет надобность – за ней отправят кого-нибудь. Повитуха с благодарностью согласилась, признавшись, что вымоталась донельзя. Астрономы ушли из Храма Виты, отправившись сразу в Пресветлый дворец.

По прибытию в замок, Лентина первым делом осведомилась о Кире – хотела его увидеть немедленно. Ее проводили в покои Примы, где гостили дети и Селена. Дети еще спали. Селена сидела возле окна, забравшись с ногами на мягкий диванчик. Уют и мягкая постель – все

то, от чего она давно отвыкла, поэтому проснулась очень рано. Решив никого не беспокоить, привела себя в порядок и сидела так уже не первый час, вслушиваясь в приглушенные звуки просыпающегося дворца. Лентина вошла в гостевую комнату, едва слышно открыв резную дверь. Селена, чутким ухом уловив этот звук, напряглась, готовая к любым неожиданностям – если все обойдется, ох, как нескоро забудется эта привычка, если вообще забудется. Кровницы поприветствовали друг друга. Лентина выглянула из комнаты и, увидав проходящую мимо горничную, попросила подать завтрак и побольше кафэо. Прошла к кровати, которую занял Кир – мальчик крепко спал, свернувшись калачиком, тихонько посапывая.

Девушки устроились за небольшим столиком в нише у окна. Лентина кратко обрисовала подруге состояние дел. В глубине спальни началась какая-то возня – Кир, запутался в простынях и одеялах, и теперь пытался выбраться. Лентина подошла к постели, помогла освободиться из мягкого плена. Мальчик, плохо соображая спросонья, тер глаза кулаками. Потом увидел, кто стоит перед ним, и прижался к матери, крепко-крепко ее обнимая, потянул за руку, заставив наклониться к нему, и расцеловал в обе щеки, заглядывая в глаза. После приветствия схватил за руку и ходил за ней, как хвостик, не отпуская ни на миг, опасаясь, что она снова может исчезнуть. Проснулись и остальные дети. В комнате поднялся гвалт – все требовали внимания, все хотели что-то рассказать, все просили что-нибудь. Лентина с улыбкой озиралась по сторонам. Селена же, вечером уже столкнувшаяся с этим гомоном, быстренько разобралась со всеми просьбами: Марка и Эйба отправила умываться, Вальда попросила передать горничным, что гости проснулись, сама начала расчесывать спутанные после сна густые кудри Мирры. Набегавшие горничные были умелыми и быстрыми – вскоре завтрак для всех был на столе, кровати застелены, в комнате прибрано, а гости, умытые, причесанные и должным образом принаряженные, сидели на соответствующих росту стульчиках. В замке Примов едва ли хоть в каком-то уголке царил беспорядок – не то место, где можно расслабляться.

О, этот замок, о нем ходили легенды – залы с высокими потолками, украшенные величайшими мастерами. Вход в каждую залу начинался с дверей, изготовленных из редких пород деревьев. Высокие окна, занавешенные пенным кружевом или темным тяжелым шелком портьер для холодных сезонов – едва колышущиеся от дворцовых сквозняков; чудесные запахи, витавшие в воздухе бесконечных анфилад, бесценные ковры, покрывавшие еще более ценный паркет; богатейшее убранство гостевых комнат. Что было в покоях правителей – оставалось лишь домыслами. Там бывали только те, у кого имелся особый допуск, а они не склонны болтать. Вокруг замка раскинулся сад – такой, в котором хотелось жить вечно – деревья, кусты, клумбы с прекраснейшими цветами, бабочки, птицы, изумительные жуки, небольшой отряд садовников, холивший и лелеявший все это великолепие.

Каждый получил такой завтрак, о котором мечтал – детям было вдоволь мягких свежих булочек со сладкой начинкой, которой было так много, что она выпадала на стол, если зазеваешься. Фрукты, привезенные со всех сторон Мира, в изобилии благоухали в экзотических вазах, свежавый фруктовый сок в высоких кувшинах манил сладкой прохладой, дымящийся кафео – свежайший, темно-синий, мерцающий голубыми искорками – обещал бодрость и равновесие на весь день. Разнообразные блюда прикрыты сияющими металлическими крышками, чтобы кушанья, что лежат под ними, не остыли. Гости воздали должное этому изобилию. Мирра даже умудрилась отпить немного кафэо, воспользовавшись тем, что сидящая рядом Лентина отвлеклась, уговаривая Кира попробовать невиданный им ранее фрукт – огромных размеров грушу, медового цвета, такую сочную и спелую, что кожа казалась прозрачной, и в глубине плода виднелась слабым контуром сердцевина. Девочка не растерялась, быстренько подтянула к себе чашку с интересным напитком, умудрившись не обжечься, и храбро глотнула. Лентина повернулась в этот момент и увидела такую картину – все за столом замерли, ожидая, что же будет сейчас – дети затихли, опасаясь наказания, Селена – не зная, какие будут последствия. Мирра сидела, вытаращив глазенки – сказочно выглядевший напиток не был таковым

на вкус – для нее он показался таким горьким, что слезы навернулись на глаза. Но воспитанные девочки купцов не могут вот так просто взять и плюнуть на стол, и она проглотила противную горькую жидкость, после чего, взыв от неприятных ощущений, залилась слезами. Еще мгновение за столом царила тишина, потом всех словно прорвало – залиvisto смеялись Вальд и Кир, хрустальными колокольчиками вторили им Марк и Эйб, крепко сдружившиеся в последнее время, девушки сдерживаясь из последних сил, проверили, не обожглась ли Мирра. Потом переглянулись и присоединились к всеобщему веселью. Мирра, прокашлявшись и прорывавшись, подозрительно оглядела всех, нахмутив маленькие бровки. Веселье не стихало, и она не смогла долго оставаться серьезной – вот уже уголки губ поползли вверх, и ее смех присоединился к всеобщему хору. В самый разгар веселья стремительно распахнулась дверь, и вошла чета Пресветлых. Смех тут же стих, завтракавшие вскочили со своих мест, приветствуя правителей. Примы не внушали страх, лишь уважение и любовь – ни одно из повелений не было во вред народам Мира. Поэтому каждый гражданин Мира, даже самый завалаченький, из тех, что предпочитают не работать, а похрапывать в тени, даже они в случае опасности приложат все усилия, чтобы быть полезными Примам. Свободнокровые граждане признавали их власть, которая была милосердна и справедлива для всех, будь то богатый кастырь или самый нищий свободнокровый гражданин.

Прима пожелала доброго утра и прекрасного здоровья, осведомилась, всем ли довольны гости, удобно ли, сытно ли. Гости дружно закивали, благодаря за приют. Прима отметила осунувшееся лицо Лентины, предложив ухаживальщиков из дворцового салона, в котором помогут вернуть ее сияющий вид. Девушка засмушалась от внимания владетельных особ, и, потупив глаза, кивнула. Прим продолжил:

– Если уважаемые гости насытились, предлагаю пойти в тот самый салон, о котором только что было упомянуто. Потом продолжим Совет. За вами придут и проводят.

Правители разделились – Прима занялась гостями, довела их до салона, примыкающего к ее покоям. Там девушек увели в одну сторону, посоветовав расслабиться и не беспокоиться о детях, которыми занялись молоденькие няньки в серых платьях и белоснежных накрахмаленных фартуках. После проведенных процедур красота девушек засияла – они никогда ранее не были столь прекрасны. Если для спасения Мира ничем не пренебрегать, то и красота – тоже оружие, причем страшной силы. Поэтому надо бы это оружие заточить до совершенства. Как и чем там колдовали эти дворцовые мастера – никто никогда и не узнает. Но когда девушки по прошествии достаточно долгого времени спустились по одной лестнице, а детей привели по другой – измотанные трудной дорогой и опасными приключениями странники остались где-то позади, а пришли сюда те, кому по силам не то что спасти, но и перевернуть весь Мир. Свежие, прекрасные, сияющие – все семеро, одетые так, что могут отправляться и в долгий путь и на роскошный бал прямо сейчас. Девушкам еще предоставили доступ в имперскую оружейную мастерскую, в которой они выбрали самое необходимое – идти нужно было налегке. У Селены разбежались глаза от такого изобилия, но пришлось выбрать всего парочку кинжалов, ну и, не удержавшись, добавила две пары ножей, их тех, что крепятся на запястьях и на лодыжках и могут выручить при случае. Теперь все были готовы к дальнейшему, каким бы оно не случилось.

День продвигался к полудню, начинался сезон ветров, поэтому Совет проводили при закрытых и зашторенных окнах. Порывы ветра, едва слышные здесь, за пределами помещения становились все сильнее, собирая различный уличный мусор в кучи возле стен домов, поднимая в воздух пыль и песок, принуждая ограничивать пребывание на улице. Редкие прохожие быстро передвигались по своим делам, замотав головы капюшонами, а лица – полупрозрачными тряпками, позволяющими дышать в этой круговерти. На улицу старались выходить только по неотложным делам, лавки работали лишь до сумерек, которые тоже наступали раньше из-за пыли, поднятой в воздух. Лишь бесстрашные или беспечные тиманти, закутав-

шись в тряпье, оголяли свои прелести, пытаясь залучить в сети кого-нибудь из редких прохожих. Привычки откладывать деньги на черный день у этих девиц не было, а кушать-то все равно хотелось – неважно какая погода. Поэтому они работали даже в сезон дождей, хотя и приходилось опасаться весовщиков, которые следили за тем, чтобы женское население Мира оставалось в домах и не шастало по улицам безнадзорно, навлекая беду на себя и своих близких.

Совет открыл Прим. Он предложил обсудить кандидатуры кастырей, предложенные Голдманом. Не присутствовали лишь кастырь купцов и мать Оливия – они, в виду почтенного возраста должны были отдохнуть после ночных бдений. Прим хотел отправить отдыхать Лентину и Ди Астрани, но, увидев непреклонность в их глазах, не стал настаивать. Да по ним и не скажешь, что провели бессонную ночь – Лентина после всех тех процедур с дворцовыми мастерами выглядела, словно молоденькая девушка, а Ди Астрани – все привыкли, что он всегда одинаков – свеж, бодр, разумен, спокоен и рассудителен. Предложенные кандидатуры кастырей одобрили, решив ожидать теперь лишь их прибытия в столицу, чтобы познакомиться лично, сделать окончательный выбор и провести церемонию.

Потом зарылись в чертежи, принесенные астрономами. Выяснилось, что начало всех путей к боевым башням находится здесь, в Блангорре. В Часовой башне столицы, которую Ди Астрани знал, как свои пять пальцев и сразу понял, где искать вход. Пути казались до смешного простыми. Нужно только отыскать вход, сесть в некое подобие повозок, нажать какой-то рычаг на повозке, и отправиться в путь. Судя по чертежам, весь путь проходил в туннелях, прорытых давным-давно древними каменщиками – как бы не самим Камом. Шесть повозок направлялись в шесть городов, в которых стояли пресловутые башни: Елянск, куда следовало ехать пастырю; Турск – где была Башня Аастра; Ведск – посвященный Весу; Зордань, в котором Кам и его собратья особо постарались – выстроив самое удивительное строение в Мире – башню, посвященную их братству; Ящерино – для купцов, богато украшенное всякими диковинами, свозимыми со всех сторон Зории, где побывал клан Торга; и башня Виты в Квартитах, куда ехали женщины всего Мира, чтобы прикоснуться к камням, исцеляющих от всяких женских хворей. Ключи, которые принес Вальд, оказались кстати – потому что в хранилище дубликатов ячейки пустовали – бывшие Магистр и Маршалл постарались. Принесенные мальчиком ключи явно были из хранилища, следовало еще изъять ключи из жилищ отступников – для вручения тем, кто сменит их. Пришло время решать, кого следует отправить в тоннели. Кастыри непременно хотели использовать ключи сами. Каждому из присутствующих было жутко интересно, что случится, когда ключ будет там, где нужно, и будет повернут туда, куда следует. Долго решали так и сяк. Присутствующие на совете дети, на которых перестали обращать внимание, беспокойно возились на диванчике, пытаясь придумать не очень шумную игру. Прим предложил дубликаты ключей хранить в том самом в секретном месте до окончательного решения вопроса. Благородное собрание никак не могло договориться. Как будет работать скрытое оружие – что случится с Миром после его применения – было непонятно, не хватало какой-то одной мелкой детали, чтобы все встало на свои места. Говорили и говорили, говорили и говорили...

Лентина, прикрыв рукой усталые глаза, задумавшись, засмотрелась на пылающий в камине огонь. Сезон ветров все-таки, похолодало не на шутку, в зале стало прохладно, поэтому для обогрева разожгли целое бревно. Тяга была такая, что языки пламени заполнили все пространство, которое было для них отведено, исполняя замысловатый танец. Лентина не могла отвести взгляд и вновь, как недавно, в храме повитух, для нее замедлилось время, и пляшущее пламя остановилось, только вот повитухи, которая направляла и ободряла девушку, рядом не было. Комната постепенно погрузилась во мрак, только пламя и она, она и пламя. Снова увидела тот приозерный луг, где маленькая Лентина так любила бегать, то самое большущее дерево, среди корней которого любила играть. Она забралась на ветку – что тоже бывало нередко, когда не видели родители, конечно. Они пеклись о репутации – девочки

их клана не должны лазать по деревьям, по крышам – пожалуйста, а вот по деревьям – ни в коем случае. И вот сейчас был один из тех случаев, когда Лентине, уже подростку, удалось забраться на ветку, которая так славно раскачивалась, даря иллюзию полета. Внезапно, откуда-то сзади раздались пощелкивания – кто-то неодобрительно прищелкивал языком, явно стараясь привлечь ее внимание. Оглянувшись, девочка поняла, что веткой выше есть кто-то еще, только разглядеть не удастся – какое-то темное облако не дает. Лентина осторожно развернулась лицом к полумраку, окружавшему ветку, с которой доносился шум. Мгла рассеивалась потихоньку, и вскоре стал виден силуэт – темнобородый мужчина, со странными глазами, в парадном платье астрономов, которое словно дымилось на нем, покачивался на ветке и прищелкивал языком, только теперь этот звук выражал одобрение. Он пристально разглядывал девочку, которая жутко засмущалась и попыталась улизнуть, но высота не позволяет с собой шутить, и она едва не сорвалась, в последний миг перед падением крепкая жилистая рука незнакомца схватила тонкое запястье и рывком усадила возле себя. Рука была очень горячей и очень сухой. Лентина, оказавшись рядом с темнобородым, украдкой осматривала руку, за которую он поймал ее – нет ли там следов ожога. Ветка прогнулась сильнее, но выдержала, иногда лишь протестуя похрустывая. Незнакомец прекратил разглядывание, подвинулся поближе, положив свою ладонь на тонкие девичьи плечики.

– Здравствуй, дорогая Лентина! Вот уж никогда не думал, что благовоспитанную дочь племени астрономов можно встретить на дереве! Вот уж да! Не оправдывайся, молчи – я сам тебе все скажу. Хороша же, так хороша, что я начинаю терять голову, – с этими словами он взял себя за торчащий клочок спутанных волос и поднял голову вверх, продолжая говорить. Поднял так, что голова оказалась отдельно от шеи, потом нахлобучил ее обратно, как надоевшую шляпу:

– Поверь, я женщин насмотрелся всяких, но ты... Уже сейчас в тебе я вижу благородство и красоту, которая может затмить собой светила – дневные и ночные, бесстрашие и рассудительность – все черты, присущие кровникам, собраны в тебе в изящном равновесии. Ты никак не прореагировала на мою выходку с головой, а я так надеялся тебя рассмешить... Подари мне лишь только взгляд, а потом я осмелюсь молить тебя о поцелуе – девочки твоего возраста уже грезят о поцелуях с прекрасными незнакомцами, не так ли? А приходит ли тебе во снах вожделение, когда хочется прижаться к тому, кто мил? Ворочаешься ли ты с боку на бок в ночь полных лун, которые заливают твою кровать своим беспокойным светом? Посыпалась ли ты, задыхаясь, словно бежала куда-то всю ночь, с кожей, покрытой мельчайшими капельками пота? О, Лентина! Будь моей возлюбленной, и я смогу заставить забыть твои горькие воспоминания, которые будут у тебя потом, ты никогда больше не будешь страдать...

Пришелец очаровывал низким, таким мужественным голосом, иногда срывающимся на хрип, мерцающей в полумраке белозубой улыбкой, нежными прикосновениями. Никто и никогда не осмеливался говорить так с ней – как с взрослой дамой, с женщинами астрономов так могли разговаривать только их кровники. А ее пока считали слишком маленькой для сердечных бесед, хотя сердце уже горело предчувствием нежности. Незнакомец продолжал ворковать, взяв девочку за руки. День померк, вокруг благоухала роскошнейшая ночь – воды озера переливались в свете лун, над ними витал легкий туман, отражения звезд в воде дробились от легкой зыби. Перекликались ночные птицы, им вторили насекомые, которым не спалось, тихо шелестела листва. В сгущавшейся темноте глаза незнакомца начали светиться собственным огнем – они были похожи на глаза астрономов при свете – пылающие, яркие, только почему-то светились. Это напугало и заставило Лентину очнуться, она спрятала руки за спину, ухватившись за ветку, на которой сидела. Мужчина покачнулся от неожиданности, едва не свалившись вниз:

– Что случилось, звезда моя? Почему ты стала вдруг так холодна, ответь мне?

Наваждение пропало, голос и слова уже не имели власти над девочкой. Она пыталась отодвинуться, чтобы потихоньку слезть с ветки и убежать в безопасность:

– Поздно уже, меня дома, наверное, ищут. Я никогда не задерживалась на улице после захода. Мне нужно идти.

– Нет же! Будь со мной, не уходи, останься. Я могу любить тебя, любить так сладко...

Ночные светила, выплыв из облаков, сделали, наконец, видимой каждую черточку его лица – и оно ужаснуло. В глазах полыхало безумие, борода была черной, включенной, как и волосы, к которым никогда не прикасалась расческа, лицо узкое, кожа плотно натянута на все плоскости – не оставляя ни малейшего шанса для подкожного жира. Но самым пугающим был рот: пухлые губы приоткрылись, зубы казались острыми, сужающимися к низу, белыми с багрово-черными каплями, стекающими с них. Голос стал еще более низким, хриплым, молящим и угрожающим:

– Я могу любить тебя сладко, я могу любить тебя сладко... Сладко... Сладко... Я могу убить тебя гадко... Я могу убить тебя гадко... Убивать тебя будет для меня так сладко... Выбери, прелестница моя... Убить или любить...

Лентина вскрикнула от тошнотворного ужаса, накатывающего волнами, скатилась с дерева, ободрав спину и колени о кору. И побежала к дому. Вернее, подумала, что бежит, приходилось продираться сквозь воздух, как через густую, вязкую жижу, замедляющую движение. Обнимающую, обволакивающую, сковывающую. Голос хрипел, продолжая:

– Не пытайся уйти от меня, моя прелесть... От меня уходят, отдав лишь уши. А потом возвращаются – ко мне нельзя не вернуться. Отдай мне свои ушки, звезда моя, и я отпущу тебя...

Лентина постаралась бежать еще быстрее, больно ударила ногу о подвернувшийся так некстати камень и упала, задыхаясь от ужаса, крича:

– Нет, нет, никогда, я не могу! Ни за что на свете!

Почувствовала, как ее плечо словно попало в тиски и его трясет чья-то безжалостная рука. Вдрогнула и очнулась. Широко открытыми от пережитого только что ужаса глазами осмотрелась вокруг, увидела Кира, перепуганного случившимся, подбежала к нему, крепко прижалась, подрагивая. Постепенно пришла в себя и успокоилась от тепла маленького тела, прильнувшего к ней. Ди Астрани, стоявший теперь очень близко, пристально вглядываясь ей в лицо, спросил лишь:

– Это был Он?

Лентина кивнула:

– Он звал меня, звал с собой.

Прим заметил:

– Теперь ясно, что и господин Хрон знает, какую угрозу вы представляете для него. Если раньше он не знал, кто противостоит ему – теперь знает это точно. Все, что творится в вашем подсознании – может быть увидено им. Лентина, вы не помните, ощущали ли вы его присутствие, когда матушка Оливия проводила свои процедуры?

Лентина задумалась, вспоминая свои ощущения ночью. Нет, она бы почувствовала чужое присутствие, особенно этого – чернобородого. Про то, что произошло после процедуры Лентина, Ди Астрани и мать Оливия решили молчать до поры до времени. Собравшиеся облегченно вздохнули, услышав ее ответ. Прим предложил девушке находиться рядом с кем-либо, кто не позволит ей погружаться в полубессознательное состояние, в котором Хрон и его приспешники могут нанести вред или использовать ее, чтобы шпионить. Больше пока ни о чем не решали, кроме того, что Лентина, Селена и дети должны находиться под неусыпным присмотром, а все остальное – нужно еще обдумать и встретиться вечером, ближе к закату. С тем и разошлись.

В предполуденные часы, особенно в ненастные сезоны, жизнь в городах Мира затихала. Это в деревушках нельзя запереться и сидеть в укрытиях: то скотину кормить, то поить, то убирать за ней, вода сама не польется, на грядках тоже ничего не вырастет, если за ними не ухаживать – так можно и ноженьки протянуть и ушеньки отдать за бесценок. В городах же иначе – закупались продукты заранее, запасались водой и всем остальным, необходимым. Если в сезон ветров еще находились отважные, которые выходили даже за пределы городских стен, то в период дождей старались нос на улицу вообще не высовывать. При сильных ветрах могло просто сдуть, но далеко не уносило, а вот от воды, льющейся с неба сплошным потоком, никакого спасения не было – если упадешь, то рискуешь попросту захлебнуться. Сезон ветров заканчивался, оказавшись слишком коротким для обычного – порывы стихали. Пыль, поднятая постоянными потоками движущегося воздуха, тончайшим покрывалом окутала все – дома, деревья, припорошивала дороги. Наступала тихая, ясная погода, ярко светили солнца и, выглянув из окна, казалось, что все закончилось, что в этот раз обойдется без дождей, наступит сразу теплый сезон. Но, те, кто живет не в городе, знают, если после ветров сразу наступит тепло – быть голоду в Мире, высушенная ветрами почва не взрастит урожая и не накормит никого. За несколько тихих дней между сезонами становится невыносимо жарко, воздух накаляется так, что на улицах просто нечем дышать. В переулках возникают миражи, подрагивающие от зноя, стихают звуки, малейший шорох слышится далеко окрест и порой пугает до икоты. Дети, зачатые или родившиеся в межсезонье вырастают нервными и крикливыми, особенно у свободнокровых граждан.

В замке Примов ближе к полудню тоже воцарилась тишина. Дети, изнуренные наступившим зноем, вяло плескались в небольшом бассейне во внутреннем дворе замка, неподалеку в деревянных креслицах примостились разморенные Селена и Лентина, чуть далее – положено так – сидела Прима со спящим царенком на руках. Где был Прим – никто не знал, на то он и божественный наместник, чтобы находиться там, где никто не ожидает. Тишина, зной, лишь слышно, как жужжат насекомые над цветущими кустами. В дворцовом саду ни пылинки, каждый листик любовно ухожен и вымыт – у здешних садовников воды запасено столько, что они могут пережить лет десять засухи без малейшего ущерба. И вдруг эта тишина и благолепие были нарушены – в мощный светлым камнем дворик стремительно вбежал рыцарь в запыленных доспехах, местами сильно погнутых, заляпанных чьей-то кровью. Он спешил так, что его шпоры высекали искры. Преклонив колено перед правительницей, он поспешил сообщить о нападении диких на приграничные края, о разрушении Часовых башен, о массовых убийствах мирян, о пожарах, раздуваемых неутихающими ветрами в разных углах Мира, о летающих тварях, появившихся вблизи Речного перекрестка и об ущербе, нанесенном ими. Просил сообщить о прибытии рыцаря Крауна да Брина и поспособствовать быстрейшей отправке кавалерии на границу, желательно бы на единорогах – чтобы успеть предотвратить отбытие обоза с мирянами, увозившими их в рабство в самое сердце Крогли. Скороговоркой доложил обо всем и повалился на бок, глухо стукнувшись шлемом о камни. Погнутае забрало, едва державшееся на креплении, с тихим звоном отвалилось. Набежали слуги, охрана. Прима приказала осмотреть прибывшего, созвать Совет. Девушки вскочили еще до того, как рыцарь закончил свой горестный доклад. Прима велела им и детям отправляться в свои покои, подготовиться соответствующим образом и ждать. Царенок уже был передан в руки няnek, которые должны были защищать его любой ценой, они моментально укрылись в крыле наследника.

Неизвестно откуда взявшийся Прим отдал указания о срочном сборе Совета кастырей. На Совет приглашались капитаны королевской кавалерии: пастырь-рыцарь Габриэль де Хомос и капитан весовщиков Маркело де Балиа. Малый зал Совета начал наполняться приглашенными. День плавно катился к окончанию, но сонной дремы, царящей недавно, словно и не бывало. На горизонте собирались тяжелые темно-серые тучи, грозящие скорыми ливнями. Межсезонье заканчивалось. Ди Астрани зашел в покои за кровницами и их притихшим

сопровождением. Они поспешили присоединиться к уже собравшимся. Селена была задумчива и немногословна, пыталась вспомнить что-то, вот как бывает, хочешь вспомнить какое-то слово, которое никак не приходит на ум, или крутится мотивчик привязчивый, а песня никак не вспоминается. Что-то знакомое было в том рыцаре, рухнувшем неподалеку. Лицо его казалось смутно знакомым, но где и когда она могла его видеть – никак не давалось.

Когда все приглашенные, кроме матери Оливии, были на месте, Прим велел закрыть двери. Зловещая тишина воцарилась в небольшом зале. Кастыри, капитаны, гости – никто не решался первым сказать что-либо. Правители восседали неподвижно и молча, как никогда походя на свои изваяния. Лишь дети устроили возню на полюбившемся им диванчике, деля места. Взрослые молча наблюдали за их перебранкой, пока Мирра не решила, что пора зубами отстоять свое место и не укусила Эйба так, что он взвыл достаточно громко, чтобы можно было на них шикнуть за нарушение приличий. Но шикать на своевольных нарушителей тишины не стал никто – детская непосредственность разрядила обстановку и можно было думать, а не сидеть в ступоре с единственной мыслью, пульсирующей: «Все кончено, все пропало, все кончено, все пропало...». Когда Эйб завопил, присутствующие окончательно встрянувшись, вспомнив, что пережили дети и как они смогли спастись – сами, без посторонней помощи. Дети Мира заслуживали хотя бы того, чтобы за их будущее боролись.

Прим вкратце сообщил собранию о печальных новостях, принесенных гонцом. Кастыри хотели заслушать рыцаря с более пространством докладом для того, чтобы оценить масштабы ущерба, но прибывший до сих пор был без сознания, и вопросы пришлось отложить. Совет согласился с назначением новых Маршалла и Магистра – без обсуждения членами Совета каст, положившись лишь на мнение почтенного негоцианта Януара Голдмана. Отныне главой весовщиков становился Димир де Балиа, из Ведска; Магистром – отец Юлиан Благовест, из славного города Юстиги, что на противоположном от Блангорры берегу Великого Брона. Они уже прибыли и прибыли первыми. Остальным претендентам отправлены срочные депеши с вежливыми объяснениями случившегося. В зале становилось все холоднее, несмотря на разожженный камин, в котором вновь полыхало целое бревно. Принесли свежесваренное кафэо, детям – сладкое молоко и печенье. Обсуждение дальнейших действий никак не могло начаться – никто не знал, что предложить. Решили дожидаться прибытия матери Оливии. Напитки выпиты, кастыри вполголоса обсуждали какие-то свои ежедневные проблемы. Дети, пригревшись и перекусив, задремали. Астрономы молчали, думая каждый о своем. Примы сидели, словно изваяния – никогда не скажешь, что они могут двигаться, разговаривать, или испытываться хоть какие-то чувства. За дверями послышался шум, они широко распахнулись и в проеме показались развевающиеся серые одежды – мать-повитуха вбежала, на ходу извиняясь за опоздание. Споткнулась о ковер, и из ее рук выпало два листа с какими-то схемами:

– Ваши Пресветлые величества, достопочтенные кастыри, гости, приношу свои искренние извинения. Госпожа Лентина, любезно предоставившая свой разум для извлечения информации, помимо уже изученных Вами материалов, изобразила схемы, которые были похищены охранником Храма повитух, свободнокровым Альтуаном Мазитой. Он был пойман при попытке вынести эти бумаги с территории храма, сейчас ожидает решения Маршалла в Тайной канцелярии, как только у весовщиков появится новый верховный кастырь – дело государственной важности. На чертежах изображено оружие, с помощью которого возможно спасение Мира, во всех подробностях и показано, каким образом привести его в рабочее состояние. При утере этих чертежей, мы понесли бы невосполнимую утрату, поскольку память г-жи Лентины после извлечения более не хранит такой информации. Я позволила себе создать копии с этих схем – они нужны будут каждому, кто отправится в башни с ключами, – и, сейчас только заметив напряженную тишину, осеклась:

– Что-то случилось еще?

Прим, прекратив быть похожим на свои изваяния, быстро пересказал прибывшей повитухе все, что произошло за время ее отсутствия. Мать Оливия быстро вникла в курс дела, но предложила не отвлекаться пока на непроверенное донесение рыцаря, который сейчас его и подтвердить-то не может. Она поздравила собрание с избранием новых кастырей, выразила надежду, что они оправдают доверие. Предложила заняться изучением оружия. Чертежи оружия подверглись детальному разглядыванию и обсуждению. Астрономы принимали самое непосредственное участие в дебатах, лишь Селена так и не двинулась с места, пытаясь вспомнить, копаясь в самых потаенных уголках памяти... Вернулись к ключам – медлить более было некуда. Кастыри настаивали на своих кандидатурах, но Прим решил по-своему. Дети, очнувшись от дремы, молча сидели на полюбившемся диванчике и лишь вертели головенками, поворачивая их от одного говорившего к другому, блестя глазами. Прим взял слово:

– Я знаю, что это может показаться странным. Несмотря на все трудности, которые встретятся в пути и все, что еще скрыто от наших глаз, я выношу такое решение. В башни отправятся те, кто принес нам ключи и их храбрые спутницы.

Кастыри замерли от неожиданности. Прима гневно сверкнула глазами, впервые за всю историю Мира позволив себе не согласиться с супругом:

– Но они же дети?!

Прим продолжал:

– В этой битве мы не выбираем оружие – они стали нашими мечами и копьями в тот момент, когда смогли улизнуть от пленивших их ящеров и принести ключи. Совершив то, что по силам не каждому взрослому. Они смогут пройти там, где взрослый остановится, и они достаточно смелы и разумны, чтобы совершить то, что им придется. У нас нет выбора. Господа кастыри, нам с вами, возможно, придется отражать набег хроновых полчищ и отвлекать их от тех событий, что будут происходить в тоннелях. Поэтому, я решил так, поэтому судьба Мира в их маленьких руках. Итак, в Квартиты отправляется Эйб, как сын клана повитух; в Елянск – Вальд, в Турск едет его мать, Селена – и пусть она простит меня за то, что я их разделяю, но мальчик, который смог стащить ключи у драконов, сможет справиться без чьей-либо помощи с чем и кем угодно. Ведскую башню посетит Марк, сын весовщиков, ящеринскую – Мирра, в Зордань едет Кир и Лентина. Когда доберетесь до цели, вам нужно будет поместить ключ в предназначенную для этого скважину – как изображено на чертежах – и повернуть, как вы догадываетесь, семь раз. После использования ключей, срочно найти и отправить голубя в столицу, у кастырей астрономов этих городов должны остаться птицы – никакого сообщения с ними отправлять не надо – это в случае благополучного выполнения миссии. Дворцовый птичник опустел – наших голубей больше нет, птичий мор какой-то случился. А потом спешите обратно, в Блангорру. Столичную башню посетим мы – я и Ди Астрани. Надеюсь, сможем разобраться в чертежах и сосчитать до семи, когда будем поворачивать ключ, – заметил он с ехидной усмешкой, подмигнув детям.

Тяжелые для Мира времена творили чудеса, правитель вновь стал более человечным – за последнее время он смог проявить такие эмоции, которые ранее никогда у Примов не замечались, а может быть, в них просто надобности не было, в эмоциях тех.

– Для наших маленьких ключников нужны сопровождающие, которые будут, так сказать, носильщиками и защитниками. Вот теперь вы, достопочтенные кастыри, можете предложить любые кандидатуры – кроме, конечно своих, негоже оставлять касту на произвол судеб. Прошу выбирать своих выдвиженцев тщательнейшим образом – они, прежде всего, должны любить детей и защищать их даже ценой своей жизни – никто из ключников не должен потеться или погибнуть. Сегодня мы окончательного решения принять не можем – нет Маршалла и Магистра. Завтра утром будет проведена церемония, кандидаты принесут требуемые клятвы и обеты, и смогут участвовать в Совете. Посему, за поздним временем, предлагаю Совет закрыть, окончательное решение примем завтра. Дети, Селена и Лентина – прошу вас

как можно тщательней подготовиться к путешествию, изучить карты, схемы – любую информацию, которая может вам пригодиться. Прима поможет вам в сборах. Капитанам объявить сбор всех рыцарей, приготовить единорогов к полету.

Мать Оливия, поспешно подойдя к Эйбу, обняла мальчика и сообщила девушкам, что сегодня ее кровник будет ночевать в их храме, где она будет готовить его к дороге. Мирру забрал почтенный Голдман. Марк, Вальд и Кир остались с девушками – их подготовкой собрался заняться Ди Астрани. Все разошлись, в замке снова повисла предгрозовая тишина. Прим и капитаны ушли в Тайную канцелярию – общаться с пленником. Селена хотела было попроситься с ними, но потом передумала, решив, что с этим справятся и без нее. Жизнь в замке, в городе уже начинала напрягать. После бескрайности пустынь, бушующих волн морей и озер, бесконечности лесов и лугов ей, давно уже негорожанке, здесь становилось тесно. Хотелось ехать или, на крайний случай, идти куда-нибудь. За городскими стенами она чувствовала себя взаперти. Думалось – скорее бы в дорогу. Предчувствие скорой дороги заставляло вздрагивать от нетерпения, как норовистую лошадку, которую неумеха-всадник пытается подчинить, а ей так хочется на волю – без упряжи, без седла, без всадника. Трепетало в глубинах сердца радостное ожидание встречи с Аастром. Огорчало лишь, что Вальд будет путешествовать без нее – сомневаться в его способностях и возможностях не приходило ей и в голову, но сердце матери – оно всегда сердце матери. Лишь лицо рыцаря отвлекало от радостных мыслей и не давало покоя. Лицо того, который сейчас находился на попечении повитух, приводящих его в чувство, мелькало занозой перед внутренним взором. А пока она послушно шла за кастырем астрономов, держа за одну руку Вальда, за другую – Марка.

Ди Астрани привел своих спутников в Часовую башню столицы, рядом с которой он проживал. Несмотря на поздний час, детям разрешили не спать, стремясь как можно полно подготовить их для предстоящих испытаний. Астроном и его гости вошли в кабинет, который служил и для работы и для отдыха. В кабинете все стены были увешаны полками для великого множества книг. Небесный глобус стоял в центре огромного круглого стола из черного дерева, телескоп на массивной треноге, уставившийся в окно, темно-зеленый ковер на полу, стулья с резными спинками – из этого же черного дерева. Стол завален чертежами Блангорры, Часовых башен всех упомянутых на Совете городов, еще какими-то схемами, списками, рисунками. Сначала расселись вокруг стола. Спихватившись, Ди Астрани поинтересовался, не голодны ли гости. Дети дружно закивали – в Замке они сдерживали голод, чувствуя важность момента. А сейчас все были свои, кастыря астрономов они давно уже признали «своим дядькой», который «не важничает», и перед которым можно не стесняться, хоть он и кастырь. Астроном повел их в кухню, которая была одновременно и гостиной – слуги, положенные кастырю по должности, уже ушли. Дом был пуст, заботливая кухарка, зная о том, что хозяин частенько работает по ночам, оставила приготовленные кушанья на плите, в которой еще тлел огонь. Общими усилиями накрыв на стол, расселись и принялись за позднюю трапезу. Мальчишки негромко галдели, обсуждая прошедший день, пробуя все, что предложил гостеприимный хозяин. Кир тоже пытался участвовать в общей беседе, что-то объяснял, рисуя в воздухе руками. Лентина улыбаясь, смотрела на детей и думала, о том, что у детства есть неоспоримое преимущество – вот же недавно видели, как смерть ходит рядом, как гибнут те, с кем успели подружиться, ожидали, что скоро наступит и их очередь. Но вот избежали гибели и уже могут смеяться и не думать о том, что скоро снова туда, где страшно, и можешь не вернуться или кто-то из тех, кто так тебе дорог, больше никогда не вернется. А они сидят и смеются, словно ничего не было ранее и дальше – только радость, и счастье пойдет с ними рядом. Селена сидела молча, задумчиво копаясь в тарелке, уставившись на колышущееся пламя в камине. Она была какая-то тихая сегодня, да и вчера на Совете отмалчивалась почти все время. Ужин закончился до того, как потухли последние угольки в камине. Расходиться не хотелось, но ночь не была бесконечной, нужно было еще так много сделать. Прибрали за собой, решив сейчас отдохнуть пару-

тройку часиков, а потом встать и приступить к сборам-обучениям на посвежевшую голову. Укладывались спать в гостиной, в которой на полу были такие мягкие ковры, что больше ничего и не нужно было стелить. Мальчишки улеглись на полу, ставив у хозяина подушки, девушки – на креслах рядом, Ди Астрани занял диван. Уснули почти одновременно, вымотавшись за день. Лишь Селене не спалось – так и крутилась в голове неотвязно мысль: «Кто это, кто это, кто это...». Вспоминала юность и похищение. Решив, что вряд ли этот рыцарь был у Диких. За последнее время он тоже не мог попасться на глаза, чтобы так быстро изгладиться из памяти – господин был статен, довольно привлекателен и, если бы уж встретился где, запомнился бы более отчетливо. Во время путешествия вдвоем с Вальдом по пустыне им пастыри не встречались. Отбросила мысли, пытаясь уснуть. Ворочалась, ворочалась – потом решила, что все равно не уснет, пока не вспомнит. Встала и пошла к окну, решив посидеть и порисовать – это всегда ей помогало, когда память капризничала. Нашла чистый кусочек бумаги и начала на нем рисовать места, где она побывала за свою жизнь. Нарисует, напишет название и вспоминает, кого встречала. Тихонько потрескивала остывающая печь, слышалось тихое сопение спящих. Листик, на котором Селена рисовала, уже почти полностью был заполнен – не потому что она так много путешествовала, а потому, что клочок был слишком маленьким. Уже приступила к тому мрачному периоду своей жизни, который больше всего не любила вспоминать – ко времени похищения женщин ее клана. К той самой злополучной пещере. Народу тогда там толклось много, пришлось напрячь память, чтобы вспомнить все лица. И вдруг ее словно осенило – точно! Из тех времен этот рыцарь! Он был с бывшим Магистром, с фон Реймером был, когда похищали ее кровниц. Именно этот рыцарь пересчитывал деньги, полученные от Диких! Только вот, как и почему он выглядел также как и тогда, не постарев ни на день? Нужно было что-то делать, чтобы остановить утреннюю отправку войск на границу. Чей это был черный план: отправить цвет воинства туда, где не было никакого нападения, туда, где поджидает засада, чтобы оставить Блангорру беззащитной? Это вполне могло сработать. Только вот не учел тот, кто его придумал, присутствия здесь Селены, которая слишком хорошо запоминала своих врагов. Накатила волна облегчения – потому что, наконец-то, вспомнила, избавившись от наваждения. Теперь нужно было что-то делать.

На цыпочках пробралась мимо спящих и потихоньку разбудила Ди Астрани. Он проснулся сразу, словно и не спал вовсе. Селена прижала палец ко рту, призывая молчать, и поманила за собой. Пошептались, стараясь не разбудить остальных – им оставалось спать всего ничего. Приготовили завтрак и начали всех будить – мальчики проснулись легко, дружно поскакав умываться. А вот с Лентиной пришлось повозиться – ей снилось что-то не очень приятное, и сон не отпускал ее, она вздрагивала от каждого прикосновения, но никак не могла открыть глаза. Селена вспомнила, как не так давно эта же Лентина легко просыпалась. Ди Астрани решил попробовать – хлопнул трижды в ладоши – вспомнив, как выводила ее из транса мать Оливия. И это сработало. Лентина открыла перепуганные глаза, в которых отражался такой ужас, что кровники отпрянули. По мере узнавания она снова начала контролировать себя, и страх отступил. Села в кресле, закрыла лицо руками:

– Теперь я буду бояться засыпать. Темнобородый стал приходить в каждый мой сон. И каждый сон страшнее предыдущего. И просыпаться страшно – а вдруг это и есть Мир, который уже изменился. Я знаю теперь, каким тут все станет, если у нас ничего не получится. Он зовет меня с собой.

Она зарыдала:

– Он говорит, что может вылечить Кира, что станет для него лучшим отцом. Я понимаю, что он лжет, но во сне не могу ничего с собой сделать – спящая я почти согласилась.

В комнату забежали мальчишки, увидели плачущую Лентину и остановились на пороге робкой стайкой. Кир, пришедший последним, подошел к матери и обнял ее худыми ручонками, крепко прижав к себе, гладил по спутанным спросонья волосам. И девушка успокоилась –

еще не все потеряно, еще осталось чуть-чуть времени. Селена рассказала про того рыцаря, которого она все-таки вспомнила. Завтракали молча. Потом оделись и отправились в Замок – как верховный кастырь, Ди Астрани мог обращаться к Приму в любое время.

До рассвета оставалось еще порядком, на улицах было темно и безлюдно. Ночь затихла в холодном безмолвии. Добрались быстро и без приключений. Охрана возле первых ворот остановила их для опознания, но кастыря астрономов знали в лицо, поэтому надолго не задержали. У дворцовых ворот проверяли более дотошно: кто, с кем, зачем, почему в такой час. Наконец, все двери остались позади, и показалась знакомый зал Совета. Прим появился практически незамедлительно. Селена, волнуясь и торопясь, рассказала о том, что она вспомнила. Правитель незамедлительно отправил гонцов за раненым, за капитанами, которые вечером присутствовали на Совете, и за кастырями, которым была не судьба спать нынешней ночью. Первой прибыли повитуха и Эйб. Мать Оливия вошла, запыхавшись, и сообщила, что рыцарь, отданный в Храм на попечение, только что умер, и после смерти его тело странным образом изменилось – у него не оказалось ушей, оказавшись глубоким старцем без печатей крови. Последняя ниточка оборвалась.

Все пришедшие разместились вокруг стола на своих местах, которые так недавно покинули. В зале было прохладно – дрова в камине не успели разгореться и прогреть помещение. Невыспавшиеся дети, усевшись в свой любимый диванчик, повозились немного, пригрелись и, когда схлынуло беспокойство от раннего пробуждения и последующих событий, задремали. Вопреки традициям, первым слово взял Ди Астрани, который поведал о событиях последних часов. Блангоррская армия оставалась в столице, но вот ключникам следовало поторапливаться. Прим отдал распоряжения о скорейшей подготовке снаряжения и продовольствия. Подготовку этого доверили начальнику дворцовой стражи, который слыл заядлым путешественником. Кастыри поспешили на подготовку церемонии посвящения новых кастырей. Шли последние приготовления к этому празднеству.

Глава 4. Церемония

Наступило утро – ветреное, яркое, безоблачное. Рассвет, как обычно после сезона ветров, был особенно фееричен. Светила поднялись почти одновременно, восходя из медленно рассеивающегося серо-белого тумана. Изредка в невообразимой высоте проносились на большой скорости маленькие облачка, пушистые и белоснежные. Стало очень холодно – особенно после той жары, которая стояла недавно. Листва на деревьях пожухла, потемнела и скрючилась, цветы пока противостояли холоду, на рассвете покрываясь мелкими блестящими кристалликами изморози, и не за горами время, когда опадет последний лепесток и станет всюду пусто и голо. На почве останется только короткая зеленая травка, очень жесткая, ей-то холод нипочем, она все сезоны благоденствует. Деревья станут грозить голыми ветвями, покачиваясь и постанывая от холодных потоков. А потом хлынут ливни...

За одну ночь город преобразился. Дома, башни, стены задрапировали драгоценными тканями. Повсюду реяли разноцветные флаги. Еще было очень рано – по городским меркам, но по улицам – ровным, чистым центральным, и кривым окраинам уже сновали толпы народу, спешившие по неотложным делам. Приехали пастыри, укутанные в капюшоны; весовщики, кастыри из других городов – все, кто успел добраться в столицу до церемонии. Незаконные граждане, те, кто промышлял по ночам, были предупреждены и носа не высовывать на промысел. Тиманти все же собирались выйти на свою развеселую работу, но только после Церемонии, ибо раньше ловить им было нечего – все бегали, суетились, решали какие-то неотложные вопросы, не обращая на их прелести никакого внимания. Шептались по углам, что церемония будет не такой, как обычно. Спешка какая-то непонятная – раньше месяцами обсуждали кандидатуры – а нынче за день или ночь управились. Опять же непонятно – куда запропастились предыдущие кастыри.

Около полудня все население и гости столицы прогуливались по центральной площади Согласия перед Пресветлым дворцом, заполняя открытые галереи. Огромный амфитеатр, выстроенный каменщиками в ту пору, когда Блангорра только становилась центром Мира, вмещал и не такое количество народу. Толкотни не было. Столичная Часовая башня возвестила полдень, пробили часы – на помосте появился Совет верховных кастырей и кандидаты. Последними прошествовали Примы, приветствующие свой народ, прекрасные и спокойные, как всегда. С появлением правителей церемония началась.

Перед благородным собранием и зрителями прошествовали пастыри с красочным представлением. Храмовые воины показали свое мастерство во владении оружием, потом несколько рыцарей сошлись в поединке в честь прекрасной Дамы. Блангоррские пастыри сражались в честь Примы, традиционно провозглашая ее своей Дамой, которой они могли поклоняться издалека, слагая стихи, вздыхая и сражаясь – в ее честь. В Мире считалось, чем больше рыцарей посвящает себя какой-либо даме, тем прекраснее она, но никогда такое поклонение не бросало ни малейшей тени на репутацию избранницы. Мирные храмовники, не пожелавшие посвятить себя мечу, в свою очередь показали и свое искусство. Они смогли найти воду на арене, где веками утаптывалась почва, теперь уплотненная так, что даже в сезон дождей оставалась неизменно гладкой, без луж и грязи. После выступили весовщики, показывая свои умения – представление было еще более напряженным, чем рыцарские баталии. Весовщики, умело блефовали и могли перевоплотиться в любого гражданина Мира, с их актерским мастерством, которое было правдоподобнее, чем у профессионалов лицедеев, разыграли целый спектакль о преступнике, его поисках, погоне и благополучной поимке. Выступающих проводили бурными аплодисментами. Потом оба клана показали объединенный парад своих кровников – бравые храмовые рыцари прошли, потрясая оружием и бряцая доспехами, звону которых вторило клацанье серебряных шпор; мирные пастыри прошли, шурша раздвоенными

лозами, которые они использовали для поисков воды; весовщики шли бесшумно – не был слышен даже шорох шагов, лишь впередиидущие не старались быть неслышными, показывая мастерство владения кнутами – скупыми, отточенными движениями щелкая этим грозным в их руках оружием. Весовщики отлично владели всеми видами оружия, какие только были в Мире, но открыто не афишировали этого, в отличие от рыцарей-пастырей, но все миряне знали об этом. Никто не осмеливался появляться вооруженным на пути весовщика, особенно, когда он на тропе.

Парад подходил к своему завершению. Сейчас Прим должен был объявить имена избранных, после праздничной речи. При появлении правителя на возвышении, откуда он вещал мирянам обо всем, что происходит в их любимом государстве, в амфитеатре наступила полнейшая тишина. Прим привычно выждал некоторое время – для того, чтобы окружающие прониклись важностью момента. Кастырей выбирали надолго и со всей тщательностью. Привычно вскинув голову, Прим заговорил – он не пользовался никакими записями в течение всей речи, ни разу не прервавшись и не запнувшись. Паузы были только в особо значимых местах, чтобы подчеркнуть сказанное. Тренированное горло издавало звуки такой громкости, что слышали все присутствующие. Немудрено – глотка Примов приспособилась в течение жизни каждого из правителей для многочасовых речей, и это умение по крови передавалось к каждому царенку.

– Граждане Мира! Событие, собравшее нас в этом замечательном театре, одновременно и горестное и радостное! Я не хочу вводить вас в заблуждение. Господа верховные кастыри, покинувшие свои посты – предатели, которые навеки будут осуждены, имена их подлежат удалению из списков мирян. Мне особенно неприятно сообщать об этом, потому что я не разглядел предателей так близко возле себя. А им были доверены и судьбы мирян и важнейшие государственные тайны. Волею Скаррена, бывшего де Балиа, творилось беззаконие и подмена справедливости куплей-продажей оправдательных актов, происками Торнвальда, бывшего фон Реймера, едва не был погублен целый клан – уважаемых астрономов, им организовано беспрецедентное похищение почти всех женщин. Вина их доказана, но они исчезли. На их поиски будут отправлены самые опытные весовщики. При задержании Совет верховных кастырей и я, Прим Мира обещаю, что, несмотря на их очевидную виновность, будет проведено самое тщательное и беспристрастное расследование. Потому как с момента сотворения Мира их деяния неслыханны и впервые господа, занимавшие столь высокие посты, поддались искушению Хрона, и нам хотелось бы знать, что именно толкнуло их на это. Но довольно о грустном. В этот день я возвожу на пост достойных граждан Мира, чьи кандидатуры были отобраны согласно рекомендации верховного кастыря клана неподкупных купцов достопочтенного господина Януара Голдмана. Я не буду долго и нудно исследовать их жизненный путь. Опроса членов каст, для которых выбираются новые правители, тоже не будет. Времена сейчас настали тревожные, и решения приходится принимать нетрадиционные и быстрые.

Итак, на пост главы клана весовщиков утверждается господин Димир де Балиа, из Ведска, что на границе с Дикими мирами, звание Маршалла Мира будет присвоено ему при получении ключа. Верховным кастырем пастырей, Магистром Мира назначается отец Юлиан Благовест из славного города Юстиги, что на берегу Великого Брона. Господа кандидаты, готовы к вступлению на посты и можете ли вы принести клятву верности народу, Миру и кастам?

Побледневшие от волнения кандидаты, стоявшие рядом с Примой, одновременно кивнули. Первым был вызван Магистр. Клятва его была кратка и гласила:

– Я, Юлиан Благовест, из клана пастырей, клянусь, находясь среди сего благородного собрания, о чистоте помыслов, о чистоте рук и чистоте поступков в прошлом, настоящем и будущем. Клянусь не покидать тропы пастыря, трепетно относящегося к пастве своей, помогать ей и мечом и лозой. Клянусь охранять Мир от врагов внешних и внутренних, сохраняя жизни. Клянусь творить справедливый суд. Клянусь соблюдать Кодекс Великой Семерки

и не нарушать мыслей своих грехом хроновым. Клянусь беречь доверенный мне ключ даже при опасности для жизни моей, – произнес твердо, голос не дрогнул – что само по себе являлось хорошим знаком. Уверенность кандидата при произнесении клятвы при большом скоплении народа свидетельствовала об уверенности в своих силах, о силе, таящейся в невзрачном коренастом мужчине, по традиции укутанном в темно-серую мантию, скрывающую фигуру, капюшон только откинут. Среднего возраста, лицо крепко вылеплено, подбородок в меру решителен, нос – с небольшой горбинкой, глаза смотрят из-под чуть нависающих густых бровей. И лыс господин Благовест, череп совершенно гладок. Руки во время клятвы держал спокойно. Лишь уступив место кандидату в Маршаллы, и сойдя с возвышения, нервно сглотнул, да и то так, что заметил только Прим, который вновь совершил невероятный, с точки зрения этикета и прежних правителей, поступок: чтобы подбодрить нового кастыря, он едва заметно улыбнулся и кивнул. Ободренный новоиспеченный Магистр успокоено прошествовал на свое место.

Димир де Балиа, коренной житель Ведска, был похож на своих однокорожан, хотя кровь весовщиков скрадывала некоторые черты. Среднего роста, жилистый, неторопливый и рассудительный. Лицо такое, что каждый вроде бы где-то видел, но на первый только взгляд, а потом и не вспомнишь, кто такой – неприметный такой мужик. Руки – с широкими ладонями; крепкими, длинными пальцами, способными на ощупь определить монета какого достоинства и года выпуска лежит в кармане у соседа, да так, что этот самый сосед и не заподозрит, что в карманах у него гостит кто-то. Парадная черно-красно-белая одежда клана подчеркивала крепкую фигуру. Узкие рукава черного камзола обтягивали мускулистые руки так, что, казалось вот-вот и ткань не выдержит. Алые узкие штаны облегали ноги, способные много дней идти по следу. В общем, крепок, вступающий на пост господин Димир, крепок и спокоен. Клятва его, произносимая глуховатым голосом человека, не привыкшего много болтать, не менялась уже много веков:

– Клянусь отцом Весом, что меч мой не обагрят невинная кровь, что нет суда без доказательства, что мощна моя будет полна лишь честно заслуженных монет, что чаши весов правосудия никогда не качнутся под влиянием чужой благодарности, мнения, или угроз. Клянусь, что повязка на глазах моих будет крепка и справедливость коснется любого – будь то кастырь, кровник или свободнокровый гражданин, богатый или бедный, – развернулся, и строевым шагом покинул возвышение, на которое незамедлительно взошел Прим.

– Уважаемые граждане Мира! Приветствуйте новоизбранных верховных кастырей!

Бабахнули невидимые отсюда пушки и с высоты на зрителей посыпались конфеты, мелкие монетки, блестящие ленты, разноцветные бумажные мелкие кружочки. Толпа взревела от восторга, дети принялись собирать конфеты, путаясь под ногами. Прим добавил:

– Ныне состоится вручение ключей господам кастырям, после которого они немедленно приступят к своим обязанностям. На всех площадях Блангорры для жителей и гостей столицы установлены праздничные столы с обильным угощением. Фонтаны будут лить вино в честь нашего будущего до полуночи. Совет верховных кастырей удаляется во Дворец для введения Маршалла и Магистра в курс их обязанностей. Вы же, люди добрые, празднуйте!

Последние слова правителя утонули в бурных рукоплесканиях. Народ повалил через открытые выходы на площади Блангорры, чтобы соответствующим, в их понимании, образом отпраздновать великое событие. Ближе к закату улицы и площади будут полны подвыпившими и пьяными в дымину – искренне верящими, что они на славу отметили избрание кастырей.

Зрители почти все покинули галереи, лишь небольшие кучки толпились возле выходов, договариваясь, куда отправятся праздновать. Кастыри стояли возле Примов, негромко переговариваясь друг с другом, ожидая, когда все места опустеют и можно будет пройти и им. По традиции, правители и верховные кастыри не должны покидать место сборища, до той поры, пока оно совершенно не опустеет. Маршалл и Магистр молчали, они пока и не знали, что и сказать, слегка оглушенные великой честью. Никто из кастырей поначалу не обратил внимания на раз-

дающиеся откуда-то сверху звуки – кто-то оглушительно хлопал в ладоши, явно пытаясь привлечь внимание. Аплодисменты слышались все громче, пока, наконец, Ди Астрани не поднял голову и не посмотрел вверх, на самую высокую трибуну, где темнело чье-то одеяние. С грохотом опустились металлические заслонки, заменяющие двери, и весь Совет оказался в ловушке. Аплодирующий мягко спланировал вдоль рядов вниз. Только что был наверху, а через мгновение – вот он стоит рядом.

– Браво, господа! Брависсимо! Я восхищен! Восхищен вашей скоростью и решительностью! Вы заменили моих дорогих – Скаррена и Торнвальда, и думаете, что эти бездарные пешки из провинции смогут быть лучшими, чем были они? А как же военный опыт, а как же стратегическое мышление г-на Торнвальда, из почтения к вам не буду называть его фамилию! Как же его гениальное умение тщательного планирования? А как легко вы расстались с Скарреном, эээх – ну тут ясно, он посмел зарабатывать там, где вы не решались, и слишком полюбил этим маленькие блестящие кружочки. Он бы смог вам казну заполнить так, что через стены полился бы золотой ручей – дай вы ему волю. Подумаешь, драконами стали, вот делов-то. Мобильнее были бы. Шасть – тут правосудие учинил, другой – шасть и земель еще завоевал – там, за Дикими поселениями Зория не заканчивается. А уж он один мог бы теперь целое войско заменить. Мельчаете.... Недальновидно вы их прогнали, вам же еще со мной враждовать, – поцокал осуждающе языком.

Темнобородый, незванным явившийся на праздник, ерничал, насмехался, играл словами, восхваляя отвергнутых, прошелся по моральным и внешним качествам всех присутствующих – никого не пропустив. Сидел он теперь рядом с возвышением, прямо на песке арены. Примы с интересом разглядывали своего вечного врага, доставшегося по наследству и до этой поры ни разу еще не встреченного лично. Совет молча встал перед правителями, загораживая их. Маршалл, бледный от волнения, стоял впереди всех, вцепившись в меч, который почему-то никак не хотел покидать ножны, зацепившись за что-то. Хрон расхохотался, заметив его тщетные попытки:

– Что вояка, уж и доверие оправдать хочешь? Что, среди де Балиа уже нет никого постарше, кто тебе может услужить, а, Прим? Юнцов безусых на должности ставишь, чтобы ими было сподручнее вертеть?

Прим решил, что пора как-то реагировать:

– Приветствую тебя, темнобородый. Что тебе нужно так сильно, что ты осмелился заявиться сюда?

– О! Здрав будь и ты, правитель! Я не думал, что ты снизойдешь до приветствия, и решил опустить официальную часть! А еще подумалось мне, что вместо тебя двойник пожаловал – зачем самому-то утруждаться перед чернью речи толкать. А ты хорош – осмелился сам тут быть и заговорить со мной! Да и пресветлая супруга твоя пусть здравствует, она все также хороша! Добрейшим кастырям тоже привет, а то обвинят меня в плохом воспитании, – небрежно махнул ручкой в их сторону.

– Теперь тебя в другую сторону понесло. Отвечай, темный, зачем пожаловал?

– Уух, какой ты грозный, ууух, какой ты скорый. Даже выпить не предложишь? Нет? Да и не очень-то и хотелось... У вас тут и пить нечего. Ладно уж, если вам так некогда, что вы даже поболтать не хотите – мне нужен твой ключ. Твой, господин Прим. Иначе... Посмотрите наверх.

Кастыри и Примы задрали голову и ужаснулись – над Блангоррой кружила та самая крылатая Семерка драконов, о которой им не так давно поведали дети. Хрон продолжил:

– Сейчас их видите только вы, такой вот нехитрый фокус. Но, если ты не отдашь мне ключ, они станут видимыми всему Миру, и по моей команде разгромят всю вашу столицу к моей матушке – ну или как вы там выражаетесь. Вы все здесь у меня в ловушке, никто из вас

отсюда не выберется, а страна твоя без своих нянек мигом развалится. Дикие набегут, я уж не сочту за труд, шепну им, что можно у вас тут неплохо пожить.

Каким бы ни было решение Прима, оно ставило их на колени. Отдаст ключ – они не смогут открыть Блангоррскую башню, не отдаст – и открывать нечего будет. В том, что эти летающий ящерицы способны испепелить тут все, они не сомневались. Прим не раздумывал долго – с мягким шлепком упал на песок небольшой ключ, сделанный из светлого металла:

– Забирай. Если это все, что ты хотел. Отзови своих ублюдков и открой немедленно двери. После – покинь нас. Общаться с тобой далее – не входит ни в наши планы, ни в наши желания.

К удивлению собравшихся, Хрон, схватив ключ, повиновался. В момент его исчезновения, со страшным скрипом открылись заслонки, и вломилась дворцовая стража, рассыпалась по арене, окружив Совет плотным кольцом, убедились, что никто не пострадал. Капитан охраны, неторопливо осмотрел то место, где сидел Хрон, пожал плечами и доложил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.